

ЭЛЛА САВИЦКАЯ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Я ТЕБЕ НЕ ВЕРЮ

18+

Элла Савицкая

Я тебе не верю

«Автор»

2026

Савицкая Э.

Я тебе не верю / Э. Савицкая — «Автор», 2026

«Ты приедешь сегодня?» «Я ужин приготовила» «Очень тебя жду» С силой стиснув корпус мобильного, бегу глазами по тексту. Короткие сообщения - привычная манера Полины в переписке. Собираюсь оставить их без ответа и заблокировать телефон, как она начинает звонить. - Жена? – зацепившись взглядом за экран, Кристина дерзко пробегается пальцем по пуговицам на моей рубашке. – Не ответишь? Соскучилась, наверное. В кровь выбрасывается яд. Потребность стереть ехидное выражение с её лица накрывает мгновенно. Я резко разворачиваю её спиной к себе и впечатываю в комод. - Заткнись! – хриплю, яростно задирая короткую юбку, - Не смей обсуждать мою жену. Усекла?

Содержание

Пролог. Глеб	5
Глава 1. Полина	7
Глава 2. Полина	10
Глава 3. Полина	13
Глава 4. Глеб	16
Глава 5. Полина	20
Глава 6. Полина	24
Глава 7. Полина	27
Глава 8. Глеб	31
Глава 9. Полина	34
Глава 10. Полина	36
Глава 11. Полина	39
Глава 12. Полина	42
Глава 13. Полина	45
Глава 14. Полина	48
Глава 15. Полина	51
Глава 16. Полина	57
Глава 17. Полина	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Элла Савицкая

Я тебе не верю

Пролог. Глеб

Чужой запах. Вкус. Тело.

Приторно сладкий аромат окутывает легкие, как ядрёная смесь, но мне плевать.

Сейчас я хочу только одного – скорее оказаться внутри, потому что напряжение, курсирующее по моему телу, граничит с болезненным.

Кристина, или как там её зовут, отрывается от меня и часто дыша, маняще прикусывает нижнюю губу. Со знанием дела оттопыривает задницу, медленно опускаясь на колени.

Я опираюсь обеими руками на стену, глядя на то, как она развязно щелкает пряжкой моего ремня, тянет вниз ширинку, и выпускает наружу невыносимо пульсирующий член.

Воздух с шипением рвется сквозь мои плотно сжатые зубы, по телу проносится острая судорога.

Я прикрываю глаза, откидывая назад голову и как только чувствую на себе влажность горячего рта, с ходу толкаюсь вперед.

По коже проходит вибрация от женского стоны, который по всем правилам должен распалить меня сильнее, но вместо этого действует раздражающе.

Я машинально кладу руку на светловолосый затылок, чтобы заглушить звуки, и задав ритм, быстро трахаю её рот.

Вот только заглушить не получается. Блондинка стонет еще громче, как будто кончит сейчас только от того, что я делаю. Издаёт причмокивающие звуки, царапает мои брюки.

— Тихо, — рываю я, как раз тогда, когда в кармане брюк пиликает телефон.

Одно сообщение, второе, третье.

Блядь.

Убрав руку с ее затылка, достаю мобильный и разблокирую.

«Глеб»

«Ты приедешь сегодня?»

«Я ужин приготовила. Очень тебя жду»

Пальцы крепче впиваются в корпус, напряжение обретает другие оттенки.

Манера Полины – писать всё, что она хочет сказать не одним сообщением, а несколькими.

Заблокировав экран, швыряю телефон на рядом стоящий комод.

— Жена? – блондинка многозначительно облизывает губы, глядя на меня снизу на всё готовым взглядом.

Не разрывая зрительного контакта, шагает указательным и средним пальцами вверх по моим штанам, перешагивает ремень, царапая теперь уже кожу.

Округлая грудь призывно вываливается из декольте, помада размазалась вокруг губ после минета.

И хоть яркими природными данными она не обделена, но всем своим видом вызывает внутри только одно желание – драть её.

Перехватив тонкое запястье, дергаю девку вверх и разворачиваю к себе спиной. Толкаю к комоду. Надавив на спину, наклоняю над ним.

С ходу включившись, она тут же задирает платье, пока я достаю из кармана презерватив и надеваю его на вздыбленный член.

Первый рывок внутрь совпадает с взорвавшейся трелью входящего звонка.

Изо всех сил стискиваю челюсти.

По телу несется обжигающая дрожь. Мой затуманенный взгляд переплывает на экран.
«Любимая» создаёт аккомпанемент шлепкам бедер о задницу блондинки.

Вцепившись пальцами в тонкую талию, я яростно насаживаю её на себя, полностью отключив мысли и удерживая себя в этом вакууме. Насильно. На цепи.

Не думать, блядь. Не отпускать.

— Бедняжка, потеряла тебя, — в мой вакуум просачивается хриплый от стонов голос. — Может, ответишь, а то волнуется...

Слышу яд в голосе, от которого чернота внутри заполняет каждую клетку.

Вжимаю руку в блондинистый затылок и яростно прижимаю её щекой к поверхности комода.

— Заткнись! — усиливая движения внутри нее, врываюсь с такой силой, что она вздрагивает на каждом толчке и царапает ногтями стену спереди. — Не смей обсуждать мою жену. Усекла?

Промычав что-то на подобии согласия, блондинка затыкается, издавая только нечленораздельные звуки.

Мой телефон, наконец, тоже затыкается.

Я возвращаюсь в свой вакуум. Туда, где тело наполняется долгожданной отключкой и необходимой эйфорией. Копит её. Усиливает. По пояснице проносится одна судорога, вторая.

Блондинка уже не просто стонет, а орёт. Но я не слышу ни звука. Под её пульсирующие сокращения, финалю, пропуская через себя разряды электричества. Оно жжется, бьёт током, на миг выбивая из головы всё, что можно.

Жаль, что только на миг.

Потому что реальность возвращается почти сразу.

Тяжелая, неподъемная. Она смотрит на меня своими черными глазами откуда-то изнутри и издевательски скалится.

Из номера я выхожу через минуту. Бью по кнопке лифта, а когда он приезжает, захожу внутрь.

Телефон снова издаёт звук входящего сообщения.

«Так мне ждать тебя?» — плывет, как отравы, на экране.

Откинувшись головой на стену, отправляю:

«Да».

Глава 1. Полина

Месяц назад

Я сижу на краю стула и стараюсь не сжимать пальцы слишком сильно.

— Как давно вы пишете? — спрашивает куратор, не поднимая глаз.

— Давно, — отвечаю прямо, — Но... раньше это было скорее для себя. Я училась в университете, потом появился сын. Пришлось уйти в декрет, и живопись на какое-то время отошла на второй план.

Борис Евгеньевич неспешно перелистывает снимки моего портфолио, иногда переворачивая планшет горизонтально, чтобы лучше рассмотреть работы.

— А сейчас?

— Примерно год назад я вернулась к работе. Сын подрос, появилось больше времени.

— Я вижу, вы работаете в фигуративной живописи. Мягкий свет, довольно свободный мазок... и, конечно, масло.

— Да. Я пишу маслом.

Кивнув, перелистывает дальше.

— Я принесла Вам одну свою работу для примера. Если вдруг ...

Тянусь к сумке у ног, чтобы продемонстрировать свою последнюю картину, но Борис Евгеньевич меня перебивает.

— Спасибо, — Его ладонь едва заметно поднимается в останавливающем меня жесте. — Пока не нужно. Портфолио вполне достаточно.

Моя рука так и застывает над молнией сумки.

Понятно...

Это наша первая и последняя встреча.

Отказ всегда начинается именно так — с отсутствия желания посмотреть на работу в живую.

Разочарование уже привычной волной окатывает грудную клетку, но вида я не подаю.

Все еще внутренне надеясь на то, что ошибаюсь, просто жду, когда куратор не долистав до конца, подвинет ко мне планшет уверенным жестом.

— Что ж, Полина, у вас есть чувство цвета, — говорит он вежливо. — И довольно уверенная работа с фактурой. Это видно. Но сейчас ваши серии выглядят разрозненно. Вы принесли «Цветы» и «Морской цикл». Технически — это крепко. Но концептуально... это вчерашний день. Галерея сейчас ищет свежий взгляд, а не просто качественную фигуративную живопись, которой завален рынок. Понимаете?

— Да... — сдержанно киваю, чувствуя, как внутри всё привычно сжимается.

Прячу планшет в сумку.

Что ж, по крайней мере, он не грубит, как куратор в «Арт-Лофте», которая три дня назад просто фыркнула, назвав мои работы «милым дамским рукоделием».

Уже за это ему можно быть благодарной.

— Попробуйте найти тему, которая будет по-настоящему болеть, Полина, — Борис Евгеньевич подается вперед, и в его глазах мелькает тень отвратительного сочувствия. — У вас отличная база, но вы как будто боитесь выйти за рамки «красивого». Когда художник начинает мыслить смыслами — это всегда чувствуется. Если соберете новую, более... острую серию, приходите через полгода. Раньше смысла нет.

Полгода.

Это еще плюс шесть месяцев к тем двенадцати, за которые я пытаюсь хоть как-то заявить о себе.

— Спасибо, что посмотрели. И за совет тоже. Я подумаю о концепции, — отвечаю вежливо, складывая планшет в папку.

Я уже сбилась какой это отказ по счету.

Застёгиваю молнию сумки и поднимаюсь.

Выхожу с гордо поднятой головой.

Воздух на улице холоднее, чем внутри. Остановившись на секунду на ступеньках, я прижимаю к боку тяжёлую папку, и выдыхаю.

Как бы не старалась не показать своего расстройства, внутри оно больно царапает внутренности.

Понимаю, что год — это не так уж и долго. У некоторых уходит десятки лет на то, чтобы добиться хоть как-то успеха. А кто-то и вовсе к нему не приходит. У меня же все впереди, как говорит Глеб.

Но червяк сомнения так или иначе подтачивает изнутри.

Отгоняя от себя неприятные мысли, вызываю такси и еду домой.

Погода стоит апрельская. Солнце игриво пляшет лучами на окнах зданий и машин, игнорируя мое не слишком приподнятое настроение.

Солнцу всё равно что там у кого с настроением. Оно светит всем одинаково и это только наши проблемы, что мы не замечаем его стараний.

После затяжной зимы теплая весна, как долгожданный подарок. Цепляюсь за солнечного зайца, скачущего по высотке и понимаю, что нужно отпустить.

Глеб не раз говорил, что я смогу. Да я и сама это знаю. Просто, когда долгое время топчешься на месте, так или иначе начинаешь сомневаться.

Тряхнув головой, решаю, что нужно что-то делать с моим состоянием.

Достаю из сумки телефон, нахожу контакт мужа и пишу ему сообщение:

«Ты в офисе?»

«Что, если я заеду к тебе, и мы поедем прогуляемся? Можем поужинать в ресторане»

Отправив, направляю взгляд в окно. Мимо проносятся стеклянные витрины зданий, на остановках толпится народ. Час пик. Все едут домой после очередного трудового дня.

Я откидываю голову на подголовник, когда в руке вибрирует телефон.

Спешно опускаю взгляд на экран.

«Сегодня никак, малыш. Буду позже. Как твоя встреча?»

Не могу сказать, что я удивляюсь, но еще секунду назад вроде как улучшившееся настроение, канет в лету.

«Никак» — отправляю, забросив телефон обратно в сумку.

Гулять с кем-то из подруг у меня нет желания. Хотелось провести время именно с Глебом. Потому что в последнее время мы и так делаем это крайне редко, но видимо, и сегодня не судьба.

Приехав домой, я сбрасываю туфли и захватив арсенал, который везла с собой в галерею, отправляюсь в мастерскую. Портфолио кладу на стол, а из специальной сумки достаю картину и устанавливаю ее на мольберт.

Придирчиво пробегаюсь взглядом по холсту. Закатное солнце, почти спокойное море, чайки над водной гладью и ощущение умиротворения – это именно то, что я изобразила и чем так сильно горжусь. Я начала ее рисовать, когда мы прошлым летом с мужем и сыном ездили к морю. Мне захотелось сохранить ощущение тихого счастья, и мне кажется, картина получилась пусть не идеальной, но на очень хорошем уровне.

Ее пример есть в моем портфолио, но кураторы один за другим не обращают на нее должного внимания. Вероятно, видят такие десятки за день. И то, что кажется особенным для меня – для них таковым не является.

Так. Всё, хватит.

Знаю, что у меня всё ещё обязательно будет, если и дальше не сидеть сложа руки, а искать другие варианты.

Переодевшись в домашний халат, отправляюсь на кухню. Открыв холодильник, несколько секунд изучаю его содержимое и решаю, что есть мне особо-то не хочется. Поэтому отдаю предпочтение бутылке вина, а также выбираю сыр и ветчину.

Нарезаю их тонкими слайсами. Отправив в рот по кусочку того и другого, наливаю вино в бокал и присаживаюсь на стул, чтобы позвонить маме.

— Да, Поль, — она, как всегда, отвечает почти сразу.

— Привет. Ну как вы? – отпиваю небольшой глоток, позволяя терпкому вкусу обжечь язык и гортань.

— Мы прекрасно. Накормила Пашу котлетами с пюре, сейчас пойдем прогуляемся, — бодро отчитывается мама, — а как твоя встреча? Скажи, что наконец, нашелся куратор со вкусом.

Я машинально улыбаюсь.

— Увы, нет. Буду продолжать поиски дальше.

— Что за неправильные личности тебе попадаются? Нет у нас нормальных галерей что ли?

— Их много. Просто мне пока не попалась та самая.

— Ну ты не грусти, — быстро раскусив мое настроение, подбадривает моя всегда чуткая мама, — пока Пашка у нас, пусть Глеб тебя развлечет.

— Глеб на работе, — подцепив слайс ветчины, скручиваю его в тонкую трубочку.

— Как? Опять задерживается? – искренне удивляется она.

— Да. Ты же знаешь, у него ненормированные часы.

В трубке слышится многозначительный вздох.

— Знаю, но раньше, на сколько я помню, подобного не происходило. Зачастил он. Ты не думала сама навеститься к нему в офис? Так сказать, без предупреждения.

— Нет, зачем? – откусываю кусочек от трубочки, но вкуса почти не чувствую.

— Мало ли... — отвечает она после паузы. — У него там случайно, секретарь новая не появлялась?

— Мам! – тут же обрываю её необоснованные намеки, — Ты прекрасно знаешь Глеба.

— Никого нельзя знать досконально, дочь. Как бы печально это не звучало. Но ты извини, что-то я и правда, не в ту степь полезла. Всё, Пашка уже принес свои машинки, а значит нам надо выходить. Целую тебя. Не скучай там.

— Не буду. Поцелуй от меня сына.

Сбросив вызов, кладу телефон на стол и делаю еще один глоток вина.

Пока прохладный алкоголь опускается в желудок, я качаю головой в ответ на слова мамы.

Интересно, что она так с ходу угадала то, что у Глеба новый секретарь. Она устроилась к нему на фирму не так давно. На сколько, я поняла, довольно неплохой специалист. Муж действительно хвалит её заслуги.

Но крутить роман с секретаршей абсолютно не в его природе. Да и меня он любит.

Правда, времени на нас с Пашкой у него после того, как дела на фирме пошли вверх, почти никогда не хватает.

Глава 2. Полина

Щелчок замка вырывает меня из неглубокого сна. Потянувшись к телефону, нажимаю на боковую кнопку, чтобы узнать время. Пол первого.

Нормально так Глеб задержался...

Встаю с кровати и направляюсь к двери. В коридоре горит настенный бра, благодаря свету от которого я прекрасно вижу, как муж сбрасывает со ступней туфли.

Облокотившись плечом на дверной косяк, наблюдаю как он устало разминает шею и растерев ее ладонью, разворачивается в мою сторону.

— Привет, — встречаюсь с ним взглядом.

Широкая бровь вопросительно взлетает.

— Чего не спишь?

По пути ко мне, Глеб оттягивает узел галстука в сторону, послабляя его, а потом и вовсе снимает. Остановившись напротив, обхватывает мой подбородок пальцами и подтянув к себе, целует.

В любой другой момент я бы ответила, но сейчас упираюсь ему ладонью в грудную клетку и отталкиваю.

Ноздри неприятно раздражает чужой приторный аромат.

— Скажи Дарье, чтобы сменила духи.

Ответом мне служит ленивая улыбка.

— Так ей и передам.

— А вообще на работу желательно не пользоваться настолько вызывающими ароматами. Она с тобой что ли была пол ночи?

— Как и всегда, — отвечает Глеб, отбросив галстук на тумбу и принявшись за манжеты.

Я в курсе, что он берет секретаря в командировки и на деловые встречи. Вот только помимо аромата приторных духов сейчас в воздухе различается запах дорогого виски и сигар. А это уже заставляет сомневаться в том, что встреча была чисто профессиональной.

— Что это за встреча такая была? — пристально смотрю на мужа, — Ты время видел?

Взгляд карих глаз устремляется мне в лицо.

— Видел, именно поэтому я уже дома, — пройдя мимо, Глеб вытаскивает из-за пояса рубашку и принимается расстегивать пуговицы, — Счет Федорова сегодня пополнился на несколько миллионов благодаря мне. На радостях он решил устроить пирушку в ресторане и позвал нас с Дарьей.

— Нас с Дарьей? — передергиваю я, — А почему не со мной?

Скинув рубашку, Глеб щелкает металлической пряжкой ремня. По комнате разносится звук расстегиваемой ширинки, а после брюки падают к его ногам.

— На сколько я помню, ты не любишь проводить время с моими клиентами, — он подбирает их с пола и отправляет на кресло, а после стаскивает с бедер нижнее белье.

Сжав в ладони кусок черной ткани, заходит в ванную комнату. Щелкнув крышкой корзины для грязного белья, отправляет трусы внутрь. Дверь за собой не закрывает, поэтому я иду следом.

— Я не «не люблю». Просто предпочитаю этому занятию время с сыном. Но так как сегодня Паша у моей мамы, ты мог бы позвать меня. Я хотела провести время с тобой.

Ступив за прозрачную ширму, муж включает воду. Мой взгляд рефлексивно скользит по подтянутому телу, в очередной раз оценивая то, как природа наградила его.

Посещать спортзал Глебу некогда, поэтому слишком выдающимися мышцами он не обладает. Но это не меняет факта, что выглядит он лучше практически всех знакомых мне мужчин.

Высокий рост и с рождения прекрасный метаболизм позволяют ему быть в идеальной форме, не прикладывая особых усилий.

— Мой провтык. Принял к сведению, Поль. В следующий раз едешь со мной.

Выдавив на ладонь гель для душа, муж размазывает его по своей крепкой шее, упругим грудным мышцам и плечам, а также плоскому животу.

Мой пульс частит из-за раздражения. Я так хотела сегодня провести вечер с ним, что даже согласилась бы на встречу с его клиентами. Которые, как он правильно сказал, мне нравятся далеко не все.

Причина тому – деньги. Глеб – финансовый гений, который вкладывает немалые суммы бизнесменов в акции компаний. А те ведут себя так, будто крутят этот мир на среднем пальце.

Мне неприятны такие люди. Вот я и стараюсь ограничить общение с ними.

— В следующий раз я могу быть занята, — звучу резче, чем обычно и уже собираюсь выйти, как Глеб меня останавливает.

— Иди сюда, Полин.

Смыв с себя гель, он находит меня глазами сквозь стеклянную панель.

Мужской взгляд красноречивый и очевидный.

Безумно хочется послушаться, потому что я страшно изголодалась по нему, но находясь под действием эмоций, единственное, что я могу сделать — это отрицательно мотнуть головой.

— Я спать пойду. Устала сегодня.

Разворачиваюсь, делаю шаг к выходу из ванной, когда вдруг сзади раздаются шаги по полу, а потом Глеб сгребает меня за талию и тянет к себе.

Я охаю, чувствуя, как ткань ночной рубашки мгновенно прилипает к спине, а его мокрая кожа в контакте с моей запускает мурашки по телу.

— Нет, я же намокну,пусти, — визжу, повиснув в крепком захвате.

— Врушка, — игнорируя мое сопротивление, Глеб хрипло рокошет мне на ухо, и затаскивает за ширму.

Адреналин взлетает в крови при резком столкновении с горячими струями воды. Я часто моргаю, и изо всех сил бью этого ненормального в грудь.

— Ты что творишь?

Но едва встречаюсь с его темным, голодным взглядом, как все мое сопротивление приобретает совершенно другую форму.

Глядя мне в глаза, Глеб подходит ближе.

— Все, теперь на мне только запах геля, — запустив мне в волосы ладонь, нажимает на затылок, толкая к себе.

Я утыкаюсь носом в его влажную шею.

— Так устраивает? — близость его тела и исходящее от него тепло, заставляют меня жадно втягивать в себя истинно мужской аромат, без всяких лишних примесей.

Я привстаю на носочки, веду носом по его коже, едва касаюсь губами. Чувствую, как Глеб напрягается, а потом с силой прикусываю его плечо, от чего он шипит и дергается.

Резко оттянув мою голову, вонзается в меня хищным взглядом.

— Устраивает, — встречаю его без доли сожаления о содеянном.

Пусть не думает, что я шутила по поводу чертовых духов.

— Дурочка какая, — качает он головой. — Уже забыла, кто кого добивался, да?

Подцепив тонкие бретельки моей сорочки и зажав их в кулаках, спускает вниз, обнажая сначала мою грудь, потом талию, а после и вовсе роняя намокшую ткань на кафельный пол.

— Это было давно, — шепчу, прикрывая глаза от того, как Глеб сжимает мои соски между пальцами.

Рвано втянув в рот воздух, выгибаюсь на встречу острой ласке.

Его ладонь скользит вверх по моей груди к шее и сжимает горло.

— Годы не играют роли, — губы касаются моих, а уже спустя секунду уверенный язык толкается мне в рот.

Плаваясь в руках мужа, я отвечаю без промедления. Тянусь к нему, впечатываюсь грудью и твердыми от возбуждения сосками в напряженное тело.

Мы жадно целуемся, не обращая внимания на льющуюся сбоку воду, задышаемся, ныряем друг в друга с головой.

Я опускаю вниз руку, нащупав возбужденную эрекцию, и сжав ее в ладони, провожу вверх-вниз, от чего Глеб шипит и одним резким движением, разворачивает меня спиной к себе.

Успеваю упереться ладонями в кафедру перед тем, как он тянет меня за бедра и уже в следующий миг рывком входит в меня, заставляя давиться собственным вскриком.

Ногти царапают плитку, меня закручивает в водоворот ощущений, которых добавляет тот факт, что Глеб неистово целует моё плечо, царапая щетиной воспаленную кожу. Оттягивает волосы, чтобы языком скользнуть по позвонкам.

Боже, да... Я с ума схожу каждый раз, когда он вот так берет меня. Да и не только так. За почти семь лет отношений кто-то успевает насытиться друг другом, но только не мы.

Мне мало его. Так чертовски мало, что я готова умолять, чтобы эти минуты не заканчивались.

Повернув меня лицом к себе, Глеб сминает мои губы своими, одновременно с этим задавая ритм движениями внутри меня. Любимые руки мнут мою талию, перемещаются к груди, чтобы теперь уже сжать её, и под глотаемые мной стоны, опускаются вниз – туда, где сосредоточено сейчас всё моё желание. Глеб безошибочно нащупывает чувствительную точку и начинает кружить по ней, зная, как обычно это на меня действует.

Под кожей стремительно распространяется пожар, набирает обороты, разгорается. Каждый толчок внутри ощущается, как подталкивание к краю вулкана. Ближе... еще ближе...

— Глеб, — шепчу, пытаюсь сжать ноги, чтобы продлить нашу близость, но он удерживает меня от этого действия.

— Я кончу сейчас, Поль, — проговаривает мне в губы, обжигая прерывистым дыханием, — давай со мной.

Его контроль на пределе. Я чувствую это каждой порой. Вижу животной переменой в лице. Тем, с какой силой сжимается его челюсть, как наливаются темнотой глаза. И уплываю в эту темноту сама. Поддавшись сокрушительному давлению мужа, растекаюсь от эйфории, пронзаемая тысячами крошечных иголок удовольствия и чувствую, как кончает он. Сжав меня почти до хруста, совершает последние глубокие толчки и застывает, коснувшись лбом моего виска.

Мы дышим тяжело и часто, но отходить друг от друга не спешим.

Мне безумно хочется верить, что он скучает по мне также, как и я по нему, поэтому мое желание продлить короткие моменты вместе — зеркально.

Глава 3. Полина

— Так что там с встречей сегодня?

Мы лежим на кровати. Глеб, закинув одну руку за голову, я – у него на груди.

И так мне хорошо, что засыпать совсем не хочется, хотя именно это мы и собирались сделать, выйдя из ванной.

— Провал, — недовольно морщит нос, пробегаясь подушечкой пальца по мужской груди. — Сложно быть новичком. Тебе особо нигде не рады. Или это просто я не настолько талантлива, как мне кажется.

— Бред, — как всегда уверенно обрубает мои сомнения муж, — новичкам всегда сложно. Во всех галереях есть проверенные авторы, с которыми уже легко работать, и чье имя известно хотя бы в узких кругах. Ты выставила последнюю картину в соцсеть?

— Еще нет.

— Ну и чего ты тянешь, Поль?

Привстав, Глеб тянется к тумбочке и достает оттуда пачку сигарет. Встаёт, чтобы отойти к окну, открыть его и подкурить одну.

Я перемещаюсь на бок, чтобы не терять с ним визуальный контакт.

— Я вожу ее с собой в разные галереи, как пример. Мне кажется, она как ни одна другая получилась удачной.

Из его рта вылетает облако сизого дыма, а я засматриваюсь. В полумраке комнаты, подсвеченный лишь приглушенным светом настенного бра, муж выглядит впечатляюще. На нем из одежды одно лишь белье, влажные волосы хаотично уложены назад. Они у Глеба не слишком короткие. Он всегда небрежно откидывает их назад пальцами, укладывая в некоем беспорядке, что придаёт его образу развязности.

— Самым лучшим примером будет, если ты покажешь картину в своем портфолио и подкрепишь тем, что ее уже приобрели. Сама же понимаешь – ценность автору добавляет факт, что его работы покупают. Ты – неизвестна, но тебя уже берут. Для галеристов это пиздец как важно.

— Наверное, ты прав. – с этим аргументом сложно не согласиться, — Завтра выложу.

Обвожу взглядом заострившиеся скулы на мужском лице, когда Глеб делает затыжку, и повинуюсь порыву, беру с тумбочки телефон. Направляю на мужа камеру.

Выставляю настройки для ночного портрета и делаю снимок. Фото получается потрясающим. Полумрак, подсвеченные мышцы на руках, остро очерченные черты лица. Хоть бери и рисуй, а не фотографируй.

Я успеваю сделать пару кадров до того, как он замечает мои действия.

— Могу раздеться полностью для полноты картины, — Повернувшись ко мне лицом, дерзко заламывает бровь.

Я с улыбкой делаю еще один снимок.

— Давай, — с вызовом смотрю на него поверх телефона.

Хотя, зная Глеба, для него это вовсе не вызов. Что он тут же и подтверждает.

Зажав губами сигарету, стаскивает по бедрам белье и откидывает его на кресло.

Выпрямляется, демонстрируя мне себя полностью. Я, закусив губу, тут же фотографирую его.

Знаю, что потом удалю снимки на всякий случай, но отказать себе в удовольствии не могу. Ибо природа наградила его не только подтянутым телом, а и завидным достоинством. ... Которое, кроме меня, легко могут оценить не спящие среди ночи соседи.

— Хватит стоять там, иди сюда, — со смехом зову его, откладывая мобильный.

— Я еще ракурс не сменил, с этого снимай, — разворачивается ко мне спиной, за что ту же получает от меня подушкой в подтянутый зад.

— Не знала, что вуайеризм твой тайный фетиш. Иди сюда, говорю.

Затянувшись в последний раз, Глеб тушит окуроч в пепельнице и движется на меня.

— Дай сюда, — протягивает руку, требуя телефон.

— Не-а, удалять не позволю, — тут же отвожу телефон подальше, а он хмыкает.

— Не буду я удалять.

— Обещай.

— Да обещаю. Давай.

С опаской вручаю ему телефон. Пусть только попробует отправить в корзину такие кадры.

Но Глеб делать этого не собирается. Оперевшись в матрас коленом, муж откидывает одеяло, открывая себе мое обнаженное тело.

Уже через секунду, когда он наводит на меня камеру, я понимаю зачем.

— Моя красивая девочка, — жадно смотря в экран, щелкает затвором. Один раз, второй, — Откинь волосы с груди. Охуенное будет фото.

Хриплые требовательные нотки в голосе подогревают молекулы в моих клетках.

Делаю как он велит. Убираю за спину волосы, открывая себя перед камерой. Чувствую, как под прицелом взгляда карих глаз мои соски собираются в твердые бусинки, а под кожей распространяется тепло.

— Не только же у тебя должны быть мои фотки, — говорит он, продолжая снимать.

Придвинувшись ближе, протягивает руку и обводит мою грудь. Трогает сосок пальцем, снимая свои действия на камеру, движется ладонью вверх по шее и нажимает на нижнюю губу. Моего языка касается шероховатая подушечка большого пальца, которую я тут же втягиваю в рот, чувствуя, как эта маленькая игра заводит меня все сильнее и сильнее.

Я не могу назвать себя Матахари, и вряд ли посоревновалась бы с профессиональными обольстительницами в способности быть развратной. Когда мы с Глебом начали встречаться, я была довольно закрытой. Бывший, с которым мои отношения не сложились, променял меня, домашнюю девочку на более открытых девиц. Нет, у нас был секс. Андрей был моим первым. И я искренне верила, что последним. Но ему было со мной откровенно скучно. Он не говорил это прямым текстом, я чувствовала сама. Не потому, что не давала ему того, что он хотел. Я давала. Готова была отдать всё и больше, но... ему это было не слишком нужно. Поэтому Глебу я досталась зажатой и с изрядно потоптанной самооценкой.

Он ухаживал за мной долго. Был настойчивым, подкупал своим отношением. Он влюбился в меня, хотя мне казалось, что это невозможно. После Андрея я думала, что со мной скучно буквально всем. Но Глебу удалось сломать мое сопротивление.

Он открывал меня по-новому даже для себя. И вот сейчас, позировать перед ним на камеру для меня не просто нормально. Мне это безумно нравится. Видеть, как темнеет его взгляд, с какой силой сжимается челюсть, пока он подвигается ближе и сменяет палец в моем рту на язык. Целует меня, прикусывает мою губу, втягивает ее в рот, направив на нас камеру и щелкая затвором снова и снова.

— Я пиздец как соскучился, — оторвавшись от меня, плавит меня возбужденным взглядом и на контрасте с ним, нежно ведет костяшками пальцев по моей щеке.

Я тянусь к его губам в поисках продолжения ласки.

— Поменяй расписание, Глеб. Это ненормально, что мы почти не видимся.

Прошу, заглядывая ему в лицо. Хочу услышать хотя бы «постараюсь», но вместо ответа муж откидывает телефон на кровать и завалив меня на спину, нависает сверху.

На этот раз секс не заканчивается за десять минут. Он выматывает меня до рассвета, и я отключаюсь, прижавшись к нему всем телом.

На носу суббота, и хоть это не панацея от его отъезда, но все же шанс на то, что утро мы проведем вместе есть.

Глава 4. Глеб

Подъем у меня обычно ранний. В шесть я уже на ногах и первое, что делаю после того, как заварю себе кофе — это проверяю аналитику. Режим выработался сразу, как только я ступил на эту стезю. Сегодня же из-за того, что уснули мы с Полиной ближе к утру, глаза я открываю к девяти.

Тянусь к телефону, чтобы проверить время, но семь пропущенных на экране заставляют резко переключиться.

Рывком поднимаюсь с кровати. На практике знаю, если Данил звонит больше трех раз, значит случилась какая-то поебень. Натянув белье, выхожу из спальни и рулю на кухню по пути набирая моего аналитика.

— Глеб, — взвинченный тон Мирошниченко говорит сам за себя.

— Где просадка? — спрашиваю, с ходу запуская ноут и параллельно включая кофе машину.

— Позиция по ЛМЛ. Минус два процента на премаркете.

— С чем связана?

Засовываю чашку в лоток, и опускаюсь на стул. Захожу в торговый терминал.

— Просочилась информация про судебный иск. У одной из покупательниц после использования сыворотки развился анафилактический шок. Его купировали, но сам понимаешь, новостной фон пошел по пизде, о таком молчать не станут.

Сканирую взглядом таблицы, отмечая как красная линия графика уходит вниз. Не критично, но тренд наметился.

— Разовый случай? — забираю кофе и делаю несколько глотков, мониторя ленту новостей.

— Пока да.

Уже не смертельно.

— Один кейс — это рыночный шум, норма.

— Я в курсе. Но если СМИ раздуют и начнется волатильность, сам понимаешь, к чему это приведет.

Блядь, да... Тут не поспоришь. Но с другой стороны мы уже проходили через такое не раз. Просадки — частое явление. Главное — реагировать на них правильно и не дёргаться.

— Будем ждать фактов. Сбрасывать бумагу на панике нет смысла.

— Знаю. — подтверждает Данил, а после паузы добавляет. — Лишь бы Тихомиров не встал на дыбы.

Это да. Тихомиров Юрий Николаевич — мой якорный инвестор. Человек сложный, расчетливый и охуенно успешный. То, что полгода назад он передал свои активы мне в управление, открыло для моей компании немало дверей и дало нужный старт на рынке. Поэтому дефолт по его портфелю или конфликт с ним мне сейчас абсолютно не нужны.

— Не очкуй. Разберусь.

— Окей. Тогда на связи.

— Давай.

Скинув вызов, тут же захожу на новостные платформы в поисках более детальной информации по делу. И нахожу. Фото пострадавшей, целая обвинительная статья от юриста в адрес компании, и призыв к другим потребителям не молчать, если у них были какие-то хотя бы легкие побочные эффекты.

Разогнать эти крысы умеют. Вот только им от этого хайп, а мне — падение капитализации.

— А я так надеялась проснуться рядом с тобой, — голос Полины долетает до меня через призму, пока я перелопачиваю документы по проводящимся опытам и указанным в общем доступе побочным эффектам.

Среди частых – сыпь, жжение, покраснение. Анафилаксии не указано ни разу. Это хороший знак. Значит, реакция у пострадавшей могла быть на что угодно. Банально съела на ужин что-то не то, а вызвериться решили на ЛМЛ.

— Глеб? – прикосновение горячих губ к шее заставляет меня оторвать взгляд от монитора. – Ты меня слышишь вообще?

— Да, — откинувшись на спинку стула, запрокидываю назад голову и подтягиваю к себе жену. – Прости.

Каскад темных длинных волос коконом падает вокруг нас, а сама она уже собираясь поцеловать меня, замечает открытые на мониторе графики.

— Работа? С утра? – тянется рукой, чтобы захлопнуть крышку ноутбука, но я её перехватываю.

Подношу к своим губам и оставляю на пальцах несколько поцелуев. Не помогает. Взгляд из расслабленного кошачьего становится как у дикой пантеры. Так и не поцеловав меня, резко выпрямляется.

— Ничего не хочу слышать сегодня о твоей работе, у нас выходные. Через час мы едем за Пашей и если ты забыл, то ты обещал ему автодром.

— Чёёёёрт, — обреченно прикрываю глаза, вспоминая о том, что действительно обещал сыну погонять.

Чувствую, как пространство рядом в эту же секунду освобождается.

Полина отходит от меня и демонстративно складывает руки на груди.

— Глеб, — с укором смотрит своими колдовскими глазами, на которые я залип в нашу первую встречу.

Они у неё темно-карие, как чёртовы омуты. А когда она злится становятся практически черными. Помню, как посмотрел на неё в коридоре клуба и пропал.

Я врезался в неё тогда случайно. Полина в ответ растерянно взмахнула длинными ресницами, не обратив на меня никакого внимания, и пошла дальше искать своего ублюдка парня, который в мужском туалете ебал какую-то соску. Это я уже потом понял, что она с ним встречалась. Месяцем позже. А в тот момент просто завис. Пытался подкатить к ней в тот же вечер, но она меня послала.

— Сегодня, к сожалению, никак, — мотаю головой, еще раз пробежавшись взглядом по экрану. Встаю и по пути к ванной, притягиваю к себе жену, чтобы выполнить то, чего она так и не сделала.

Склоняюсь к ней, но Полина демонстративно отворачивается из-за чего поцелуй приходится в скулу.

Тааак, блядь.

Сжав ее щеки, поворачиваю к себе, потому что нехуй от меня отворачиваться. Ловлю пухлые губы и настойчиво впечатываюсь в них, игнорируя то, как она пытается оттолкнуть меня. Свожу руки за спиной и сцепив их, целую, пока она не на сдаётся. Отвечать не отвечает, но брыкаться перестаёт. Вот и умница. Сейчас бы иначе помириться, но времени как на зло нет. Надо разбираться с акциями и держать руку на пульсе.

Отстранившись, оставляю короткий поцелуй в кончик носа и только после этого выхожу в коридор.

— Глеб! – с упреком несется мне в спину.

Похоже, конфликт не исчерпан.

— Мама ждёт нас на чай. Вчера напоминала. Пирог свой с яблоками испекла. Она была в отъезде четыре месяца, соскучилась. Имей совесть! Глеб, ты меня слышишь вообще?!

— Поль, я же сказал – никак, – разворачиваюсь, из-за чего Полина едва в меня не врежется. Кремирует рассерженным взглядом, но блядь что мне сделать? — Я отвезу тебя, купим ей что-то по пути. Посиди с ней сама, и привет от меня передай. С Пашкой обратно на такси поедете, а мне в офис надо.

Да, выходит хуёво. Тёща у меня нормальная. Отношения у нас тоже не натянутые. Но сегодня точно не подходящий день для визита.

Потому что я уже знаю, как будут развиваться события в ближайшие часы. Это всегда происходит по одному и тому же сценарию. Инсайд о просадке разлетится, и мои инвесторы потребуют отчетов. Это их законное право — в портфелях лежат средства, доверенные мне под управление. Спрос всегда с первого лица, и сейчас я — единственный, кто стоит между их миллионами и реальным убытком.

В ЛМЛ, помимо Тихомирова, вложились ещё двое других клиентов. Их портфели в разы меньше, чем его, но это не значит, что они не захотят объяснений.

На каждого нужно будет уделить время. Плюс надо наблюдать за происходящим дальше. А ехать к теще для того, чтобы всё время висеть на телефоне – не вариант.

Собираемся мы в полном молчании. Полина демонстративно ко мне не подходит. В моей же голове развивается сразу несколько сценариев. И нужно просчитать риски каждого из них, поэтому объяснять ей сейчас что-либо я не собираюсь. Она у меня умная девочка, сама всё понимает. Уже не раз проходили. Пообижается и успокоится. А я разрулю этот вопрос и тогда и её свожу куда-то и Пашку на автодром. Малый давно просится. Мы полгода назад ездили, так у него от восторга глаза светились.

Вспоминаю его счастливые визги, когда мы залетали в повороты и понимаю, что проебался с обещанием сыну. Он реально ждал.

Подавив поднявшее голову чувство вины, включаю в машине радио, закрепляю телефон на магнитном держателе и завожу двигатель. По пути кошусь на жену. Полина обиженной уже не выглядит. Но серьезная, пиздец.

Протягиваю руку и сжимаю её колено.

— Ну прости, малыш. Так вышло. Я не мог предсказать такое развитие событий. Думаешь я сам не хочу провести время с вами?

— Иногда мне кажется, что я уже не знаю хочешь ты этого или нет, — показывает она зубы. — Глеб, я всё понимаю, правда. Но... просто в последнее время уже происходит перебор.

— По-другому никак. Ты сама поддержала меня, когда я захотел работать на себя.

— И частенько об этом жалею.

Ну да...

Порой Полина забывает сколько стоит частный сад Пашки, детские развивалки, и все эти её бесконечные тюбики с краской, которые она заказывает из Франции.

Вслух я свои мысли, конечно не озвучиваю и жену не попрекаю. Я хотел, чтобы ни я, ни она ни сын ни в чем не нуждались. Правда жизни такова, что обычно и в масле катаются и развлекаются в основном те, кому наследство от предков досталось. Мне такого счастья не выпало, поэтому уж как есть.

— Ладно, я понимаю, — спустя затянувшуюся паузу Полина вздыхает и примирительно кладет свою руку поверх моей. — В конце концов, ты же не развлекаться едешь. Просто... мне не хватает тебя...

Я же говорю – умненькая она у меня. И понять её я могу, как никто. Сегодня ночью наконец-то дорвался до неё, потому что вечно то на бегу сексом занимаемся, то Пашка дома и не оторвешься нормально, то за работой мозги набекрень. А мне её тоже пиздец, как не хватает.

Притормозив на светофоре, уже собираюсь притянуть жену к себе, как по салону разносится входящий звонок.

На экране мобильного высвечивается имя моего секретаря. Видно, Даша тоже уже в курсе происходящего.

Достав свою руку из-под Полиныной, снимаю телефон с держателя и подношу к уху.

— Да, Даш?

— Глеб Сергеевич, — щебечет женский голос из динамика, — мне Данил сказал, что вы едете в офис. Я нужна Вам сегодня?

— Нет, мы справимся. Отдыхай.

Даша на лету схватила, что когда происходит подобное мне может понадобиться её помощь. Иногда не лишними бывают и выезды к клиентам, а она и обед организует и вообще умеет умаслить в нужный момент и сбить напряжение.

— Хорошо. Но если что, я свободна и смогу подъехать в любой момент.

— Знаю. Тебя долго уговаривать не надо, — усмехаюсь над её готовностью работать.

Дарье живёт одна, на сколько мне известно. Её родители остались в богом забытом поселке, а она вырвалась оттуда, приехала в столицу, закончила вуз с красным дипломом и не скачет, как другие представители её поколения, из одной фирмы в другую, а старается вкалывать по максимуму там, где ей подошли условия.

За это я её ценю и уважаю. Вообще, любое стремление вперед может многое сказать о человеке.

— Вы правы, не надо, — слышу, как улыбается, — до свиданья.

Сбросив звонок, возвращаю телефон на держатель, а руку — Полине на колено. Свою она на этот раз поверх не кладёт.

— Про духи сказать не забудь, — кусается ядовито.

Я усмехаюсь.

Не знал бы её, подумал бы, что ревнует. Но Полина этого делать не умеет.

Глава 5. Полина

— А где Глеб? — мама встречает меня с порога разочарованным вопросом.

— Привет, во-первых, — войдя в квартиру, я вручаю ей большой пакет и скидываю туфли в коридоре.

Тянусь, чтобы поцеловать в щеку.

— Ой, здравствуй, дочь, — спохватившись, мама тут же заключает меня в любящие объятия. — Просто я думала, что вы вместе приедете. Вроде как договаривались пообедать.

Договаривались...

Мама всегда рада видеть Глеба. Она его просто обожает и отчего-то очень опасается, что он вдруг от меня куда-то денется.

— Ему пришлось уехать на работу, — виновато развожу руками. — Но он передал тебе торт, твою любимую икру и бутылку вина, чтобы нам без него не было слишком тоскливо.

Стараюсь сгладить обстановку, хоть и знаю, что обилием гастрономических откупных живого человека не заменишь.

— Жаль, конечно, — слегка сникает мама, но почти сразу же берет себя в руки, — ну да ладно. Может, все-таки еще решит свои вопросы и присоединится к нам.

Это вряд ли. За последние полгода я уже успела выучить, что, если Глеб вот так срывается в офис, значит на кону деньги клиентов. Подобное происходило несколько раз, но благо потери были небольшие. И всё быстро приходило в норму. Поэтому я не слишком волнуюсь. Знаю, что он обязательно всё решит. Просто на решение ему необходимо время.

— Пойдем на кухню, — зовёт меня мама, как раз, когда из зала вылетает мой маленький ураган.

— Мамааа!

Я тут же присаживаюсь и со смехом ловлю сына в объятия.

— Привет, зайчик, — не могу удержаться, чтобы не затискать его и не зацеловать пухлые щеки.

Паша — крошечная, до боли похожая копия отца. Те же карие омуты глаз, те же жесткие темные волосы и этот недетский, серьезный разлет бровей. Мой самый красивый мальчик, при взгляде на которого мое сердце переполняется любовью.

— А где папа? — выпутавшись из моих объятий, он подозрительно смотрит сначала на пустую прихожую, а потом на меня.

Вот и главный вопрос...

Такие моменты я просто ненавижу.

Грудную клетку стягивает невидимым обручем, пока я вытаскиваю из второго пакета подкуп, которым Глеб попросил задобрить сына.

— Он передал тебе подарок, — протягиваю ему большое шоколадное яйцо.

Не обычное, коими забиты прилавки перед подходом к кассам, а огромное, размером с детскую голову.

Вот только Паша не глупый. Несмотря на то, что ему почти четыре года он смысленный не по годам. Поэтому насупив брови, он игнорирует протянутое мной лакомство и отступает на шаг. Улыбка, что еще пару секунд назад озаряла детское лицо, исчезает.

Сын молча смотрит на меня из-под опущенных бровей, словно повторяет вопрос, не задавая его повторно. Это тоже у него от отца. Требовать ответа взглядом.

Сдавшись, сочувственно склоняю голову на бок и отложив яйцо, сжимаю крошечные пальцы.

— Папе пришлось уехать на работу. Мы поедем с тобой домой сами.

— А как же гонки? — в детском голосе столько тихого укора, что я чувствую себя преступницей за то, что приходится передавать ему неприятные новости.

— Вы съездите в следующий раз. Папа сказал, что очень ждет этого.

— Не хочу в следующий. Хочу сегодня, — вырвав руки, Паша отходит от меня и продолжает смотреть так, будто я лично запретила Глебу выполнить обещание.

— Я могу с тобой съездить, — предлагаю альтернативу, хоть и терпеть не могу картинги.

Для меня езда на скорости и неожиданные удары со всех стороны — одна сплошная нервотрепка.

— Не хочу с тобой, — припечатывает сын, — ты не умеешь так ездить.

И это тоже факт. Ездила я с ним лишь однажды. И то очень осторожно, потому что банально боюсь, чтобы ничего не произошло. Глеб же всегда с Пашей гоняет как сумасшедший, игнорируя мои просьбы быть аккуратнее. Говорит, что они пацаны и им положено.

— Я знаю, зайчик, и я понимаю, что ты расстроен, но мы придумаем нам веселое развлечение, ладно?

Полоснув меня полным обиды взглядом, Пашка разворачивается и уходит в зал, а я встаю с корточек и направляюсь на кухню. На душе скребут кошки. Терпеть не могу вот такие моменты. Когда я оказываюсь виноватой без вины. И потом мне же приходится поднимать упавшее настроение сына, выдумывая танцы с бубном.

— Расстроился? — мама с пониманием наливает нам в бокалы вино.

Хоть сейчас и полдень, я не отказываюсь. Мне нужно немного притупить эту тягучую досаду.

— Да, — которая становится еще больше, стоит мне взглянуть на пышно накрытый стол.

Мама, как всегда расстаралась. Здесь котлеты, подливка, целых два салата и нарезка. И конечно же, в духовке неизменная запеченная картошка, которую так любит муж.

— Ну ничего, всякое бывает. И раз такое дело, то оставайтесь сегодня у меня. Пообщаемся с тобой, я все равно одна целую бутылку вина не осилю, в компании это делать гораздо приятнее, — подмигивает ободряюще она.

Я с благодарностью улыбаюсь.

Спасибо, что хотя бы мама меня не обвиняет.

— Да нет, мы поедем домой. Всё-таки Глеб приедет голодный. А у тебя вон сколько всего. Я уже подумываю утащить для него несколько котлет с салатами.

— Ой, это даже не обсуждается. Голодный мужик — злой мужик. А нам не надо злить Глеба.

Мы с мамой обедаем, я более детально рассказываю ей о неудачном визите в галерею, а она внимательно слушает, не преминуя вставлять подбадривающие реплики о том, что никто вокруг ничего не понимает, а я у неё очень талантлива.

И хоть я понимаю, что её мнение предвзято, но благодаря такой, казалось бы, банальной поддержке, настроение у меня поднимается.

С Пашей мы тоже выходим на контакт. Он приходит сам, проголодавшись, и забирается рядом с нами за стол. К теме Глеба мы не возвращаемся. Я задаю ему вопросы о том, как он провел с бабушкой вечер, он хвастается тем, что они ходили в парк и наблюдали за улитками. Благодаря фотографиям мамы, которые она сделала, и разного рода историям про будни улиток, которые они придумывали вчера, плохое настроение сына сходит на нет и конфликт, я слава Богу, считаю исчерпанным. Сегодня мне повезло. Мама послужила буфером.

Уезжать мне еще совершенно не хочется, поэтому я решаю остаться до вечера. Когда Паша засыпает, захожу в свой профиль в соцсети.

Здесь у меня выставлены мои работы. Изначально я выкладывала их только ради демонстрации. Авось, кто-то заметит, пригласит... Я выложила всего пять работ. И то, благодаря Глебу. Это он настоял. Сказал, что мир современного искусства на двадцать процентов состоит

из таланта, и на восемьдесят из маркетинга и нетворкинга. Если я буду просто ходить по галереям, вероятность того, что меня заметят так и будет «маячить где-то на дне», цитирую. Нужно пользоваться современными технологиями, чтобы заявить о себе.

Я отнеслась к его высказываниям скептически. В этом мы с Глебом разные. Он – прагматик и на все смотрит со стороны бизнесмена. Мне же хватило бы и того, чтобы мои работы стали просто известны широкому кругу. Мне хочется, чтобы меня узнавали и видели в моих картинах то, что вижу я. Красоту, глубину, смысл...

Возможно, это тщеславие, я не знаю.

Но когда, вдруг чудесным образом почти сразу же после выкладки в сеть картин, две из них купили, я не могла в это поверить. Я визжала, как ненормальная. И эти продажи буквально подарили мне крылья. Потому что на тот момент, после отказа в трех галереях, я начала опускать руки. Казалось, что я придумала себе талант сама. А тут появилось живое подтверждение, что мои работы нравятся. Подписчики начали расти, количество лайков и комментариев увеличилось. Я добавила еще одну серию картин, и также несколько работ на тему пейзажей. Конечно же, их не раскупили. Спустя месяц взяли еще всего одну – закат на фоне засыпающего мегаполиса. Но во мне уже бушевало вдохновение, и я продолжала писать.

А теперь вот снова всё затихло. И возможно, Глеб прав. Нужно выложить картину «Тихое счастье», и её тоже приобретут. Проблема в том, что я считаю эту работу лучшей из всех написанных мной. И просто так продавать её кому-то, кого я даже не знаю, мне не хочется. Она достойна большего, я точно знаю.

Поэтому добавить пост о пейзаже у моря я так и не решаюсь.

Уже собираюсь выйти из приложения, как мне вдруг приходит сообщение от Иры Бобровской. Моей бывшей однокурснице, с которой мы довольно неплохо общаемся даже спустя четыре года после выпуска.

Открываю сообщение и пробегаюсь взглядом по тексту:

«Полинка, привет. Собирайся и дуй в «ДуброФФ». У нас тут внезапно организовалась маленькая встреча выпускников. Тебя ждут».

В конце подмигивающий смайлик.

Рефлекторно улыбаюсь. Отношения у нас с ребятами из университета были отличные. Группа не конфликтная, мы часто выбирались то в клуб, то в кафе посидеть вместе. А вот со встречами выпускников срослось не так хорошо. Большая часть группы разъехалась, осталось только четверо человек. С девчонками мы иногда пересекаемся, а Гришка Лапухов, который тоже остался в городе, к нам ни разу не присоединился.

«Привет. Ты с Катей и Соней?»», — отвечаю, вспоминая, что с девочками мы пересекались буквально три недели назад.

«И с ними тоже. А вообще нас уже девять человек собралось. Потом подробности расскажу. Давай, ноги в руки и к нам. ТЕБЯ ЖДУТ».

Даже так? Капслоком?

Ещё и девять человек!

Заинтриговала.

Интерес поднимается изнутри и слишком долго не думая, я решаю набрать Глеба, чтобы спросить, как у него обстоят дела. Обычно в таких случаях, как сегодня, он на нервах. И хоть с утра мы поссорились, мне так или иначе хочется поддержать его. Возможно, даже вытащить с собой. Орудовать чужими деньгами – очень энергозатратно и ответственно. Я понимаю это. Поэтому ему не помешало бы немного выдохнуть.

Вот только абонент оказывается занят. В первый мой звонок. И во второй спустя пять минут.

Закусив губу, задумчиво перевожу взгляд в правый верхний угол экрана. Время – семнадцать десять. Что ж, думаю, ничего плохого не случится, если я выберусь на встречу. А Глеб перезвонит, когда освободится.

Глава 6. Полина

— А вот и опоздавшая! – едва я вхожу, как Ира вскакивает с места и подбегает, чтобы поцеловать меня в щеку и ткнуться губами в ухо, — Спорим, ты такого даже не ожидала?

Перевожу взгляд ей за спину и понимаю, что да, не ожидала. Вип-комната, арендованная ребятами, гудит от изобилия голосов. Я шокировано сколжу взглядом по знакомым лицам, которых не видела с самого выпуска.

Да ладно?! Неужели нам всё-таки удалось собраться в одном месте?

— Ооо, Польша! Ну ты красотка стала, — Вадик Решетов, наш бессменный заводила, поднимается навстречу, широко раскрывая объятия.

— Я и в университете была ничего, — обнимаю его в ответ, отмечая, как сильно он изменился.

Окреп, раздался в плечах, как будто даже выше стал. Из щуплого, ершистого парня превратился в настоящего мужчину.

— А сейчас вообще сок, — Вадик складывает пальцы щепоткой, подносит к губам и театрально причмокивает.

Я смеюсь и здороваюсь со всеми остальными. Здесь и Аринка, наша с Ирой лучшая подруга, которая вот уже два года живет в Бельгии, и Леша – зубрила, окончивший университет с красным дипломом.

Видеть их всех – чистый восторг. Оказывается, я страшно соскучилась и будто бы даже вот так с первой секунды снова окунулась в студенческую жизнь. Словно мне опять двадцать два, мы готовимся к экзаменам, стоя около аудитории, а Аня Полищук отвернувшись к окну, сосредоточенно поправляет шпору, запрятанные под резинку чулок.

— Какие вы все, — не могу перестать улыбаться, переходя из одних объятий в другие.

— На себя посмотри, — говорит та самая Аня, оглядывая меня как музейный экспонат, — даже не видно, что рожала. Грудь, задница! Полинка, ты вах какая! Надеюсь, я буду выглядеть также после родов.

— Даже не сомневайся!

Кому-кому, а Ане точно переживать не стоит. Если уж роды как-то и отразятся на ее внешнем виде, она быстро это поправит с помощью операций, к коим прибегает с восемнадцати лет. Любые несовершенства она привыкла исправлять радикально, но надо отдать ей должное: выглядит дорого и на удивление естественно. У нее нет карикатурных «утиных» губ, а аккуратная грудь смотрится как родная. Она всегда была конфеткой, и, признаться, в юности я ей даже немного завидовала. Благо, эти комплексы давно остались в прошлом.

Обнявшись с еще парой ребят, я наконец дохожу до выделенного мне места, когда взгляд цепляется за знакомые черты лица.

Осознание приходит не сразу. Наверное, потому что именно ЕГО я и не ожидала здесь увидеть. Вообще ни под каким предлогом.

Андрей стоит, засунув руки в карманы джинсов. Голова слегка наклонена на бок, на губах играет ленивая, хорошо знакомая полуулыбка, а взгляд направлен прямо на меня.

Внутри что-то едва ощутимо вздрагивает, откликаясь на этот его прищур.

Что странно. Потому, что в мыслях или редких воспоминаниях о том, что между нами было, я перестала содрогаться уже давно.

— Ну, привет, — в мое пространство вторгается низкий голос, так разительно отличающийся от того, каким я его помню, — Обниматься будем?

И не дожидаясь ответа, Андрей делает шаг, чтобы собственническим жестом оплести мою талию. Я машинально кладу руки ему на плечи, вдыхая свежий аромат парфюма и ощущая подушечками пальцев гладкую ткань свитшота.

— Не ожидала тебя увидеть, — стараюсь игнорировать зачастивший на ровном месте пульс.

Когда-то давно я с ума сходила по этим объятиям. Готова была отдать всё, лишь бы он просто вот так меня обнимал.

Глупая, наивная, маленькая девочка, растворившаяся в своей первой любви и так больно о неё обжегшаяся.

Рывок в прошлое и отрезвляющие мысли заставляют меня отстраниться первой.

Андрей делает жест рукой, пропуская меня к столу, галантно отодвигает стул, что неприлично. Раньше слово галантность его не описывало вообще никак. Он был наглый, уверенный в себе, дерзкий... бабник. Да, именно бабник...

— Я и сам не ожидал, — присаживается он рядом и тут же берет бутылку вина со стола, — ты пьешь?

— Да, спасибо, — мой взгляд самовольно падает на его правую руку, зачем-то отмечая, что на безымянном пальце нет кольца.

На автомате потираю своё.

— Так, ну что народ! — хлопает в ладоши Вадик, привлекая всеобщее внимание, совсем как в старые добрые времена. Поднимается с бокалом чего-то крепкого, — Не знаю, какие высшие силы устроили этот сбор, но раз мы все здесь, предлагаю отметить это событие как следует!

Девчонки довольно визжат, я тоже поднимаю свой бокал.

— Честно? Я скучал, — он театрально прикладывает ладонь к груди, — И может, вообще ну ее нахуй эту границу? Давайте возвращаться и снова тусоваться как раньше.

— Да! В жопу эти «трудо-выебудни»! — поддерживает его Артём Кравцов. — Будем как раньше – тусоваться и бухать!

Народ заливается смехом и звон стекла эхом отлетает от стен.

— За нас, группа ЕХ-пятьдесят один, — слегка пьяно верещит Аня.

Я уже собираюсь пригубить вино, когда Андрей протягивает свой бокал, легонько касаясь моего.

— За встречу, — произносит он, глядя мне в глаза.

Я киваю и наконец смачиваю горло кисловато-сладкой жидкостью. Ставлю бокал на стол и цепляю шпажкой маслину.

— Ты здесь в командировке? – спрашиваю, отправляя её в рот.

— Нет, я вернулся насовсем, — отвечает Андрей, поднимая тарелку с сырной нарезкой и предлагая ее мне.

Я накалываю сразу несколько слайсов и кладу себе. Есть после плотного маминого обеда не хочется, но и пить вино всухомятку – плохая идея.

— Спасибо, — благодарю его.

— Мне предложили работу в одной из строительных фирм, здесь у нас. – продолжает ответ он, — Поэтому как сказал Вадик – ну её нахуй, эту границу.

— Я думала, ты там уже пустил корни. Всё-таки европейский диплом, перспективы.

— Благодаря этому диплому у меня теперь и есть выбор. Хочу — халву ем, хочу — пряники. Здесь всё-таки всё родное. Да и приезжал я часто, контакты не растерял.

— Это ты всегда умел – поддерживать контакты.

Имею в виду, что где бы мы не находились, Андрей легко заводил знакомства. Чужая компания, преподаватели. Он всегда так располагал к себе людей, что его телефонная книжка имела раза в три больше номеров телефонов, чем у кого-либо другого.

Но в итоге, произнесенная мной фраза звучит двусмысленно. Потому что контакты с девушками он заводил еще быстрее. Даже, когда мы с ним были вместе.

Андрей тоже улавливает подтекст. На мгновение отводит взгляд, качнув головой с едва заметной улыбкой.

— В жизни это не самый плохой навык, — предпочитает понять эту фразу так, как изначально предполагалось.

— Согласна.

Помню, что в отличие от него, в новых компаниях я всегда превращалась в тень. Многие искренне не понимали, что нас связывает: яркий, шумный лидер и молчаливая тихоня. Я же не считала это проблемой.

До поры до времени.

— А ты сама как? Слышал, замуж вышла сразу после выпуска, — говорит Андрей.

— Вышла, — киваю, снова инстинктивно прикасаясь к обручальному кольцу.

Он тоже бросает на него мимолетный взгляд.

— Я узнавал у Тёмыча периодически как у тебя дела, — переводит его снова на меня.

— Зачем? – искренне удивляюсь.

В тот момент, когда мы окончательно расстались, мне казалось, что я интересую его меньше, чем кто-либо из его многочисленных пассий. То, что их было множественное число, я узнала уже потом.

— Тянуло что ли, – отвечает, не отводя глаз, — Не знаю, как объяснить. — А потом хмыкает и качает головой, словно сам не верит в сказанное. – Но я знаю, что у тебя и синишка есть. На тебя, кстати, похож. Я видел фотки в соцсети.

Что ж, узнать о личной жизни других сейчас не проблема. Личная страница у меня открытая. Вот только Андрей на меня не подписан, и я понятия не имела, что он интересовался тем, как я живу. Потому что лично я им не интересовалась уже давным-давно.

По началу – да... пыталась следить за тем, как он обосновался в Чехии. Тосковала, боже, как же я тосковала... Каждую его фотографию рассматривала, как одержимая. А когда он начал выставлять снимки со своей новой девушкой, поняла, что так дальше продолжаться не может. Мне нужно жить свою жизнь. Строить будущее, а не вариться в котле прошлого, в котором меня даже, скорее всего, не особо-то и любили. Решительно взяла волю в кулак и прекратила этот мазохизм, больше не оглядываясь.

Поэтому сейчас факт о том, что Андрей интересовался моей жизнью застает меня врасплох. И чего греха таить, даже немного льстит.

Глава 7. Полина

— А помните, как в одном из клубов был конкурс, когда надо было в парах раздеться до нуля? Другие пасанули, а наши Анька с Лёвой задницами засветили и в итоге выиграли нам три бутылки шампанского? – вспоминает Вадик, вызывая у всех взрыв смеха.

Аня театрально встает и кланяется, ни капли не смутившись воспоминаниям о своем «подвиге».

— Всегда пожалуйста. Гордитесь.

— А сейчас слабо? – бросает ей вызов Решетов.

— Дорогой, мне через три года тридцать. – снисходительно глядит на него Полищук, — Мой зад теперь стоит столько, что за то, чтобы на него просто посмотреть, надо неслабо раскошелиться.

Народ снова смеется, а я обвожу их всех по очереди неторопливым взглядом, чувствуя себя так, словно завтра нам всем снова на пары. Парни будут сонными мухами валяться на парте и жаловаться на «сушняк», а девчонки литрами покупать в столовой кофе, чтобы хотя бы как-то активизировать клетки своего серого вещества.

— А погнали в клуб? – предлагает вдруг Артём. – Задницей там засветит только тот, кто себе это может позволить. А если нет, ну значит нет. Просто тусанём, как раньше, а?

Ребята подхватывают эту идею молниеносно. Кто приехал не сам, звонит своим вторым половинкам, чтобы поставить в известность о том, что будут поздно, а я уже заранее знаю, что не поеду.

Пока все встают из-за стола, направляются к раздевалке, чтобы забрать вещи, я тоже встаю со всеми в очередь.

— Поль, едем? – Ира воодушевленно пристраивается рядом со мной.

— Нет, Ириш, я пас, — отвечаю, забирая своё пальто у гардеробщицы.

— В смысле? – подруга укоризненно округляет глаза. – Твой не отпустил? – и вдруг будто что-то поняв, понижает голос до заговорщицкого шёпота, — Из-за Андрея?

— Не в этом дело, — отрицательно мотаю головой.

— Тогда почему?

— Ну, вот так... — пожимаю плечами и отхожу, чтобы одеться.

Наверное, это глупо. И другая бы в отместку за то, что муж отдыхал без неё вечером ранее, сама пошла бы в клуб. Но только не я. Да и шумные места все же не то место, где я могла бы расслабиться. Наверное, та тихоня из моего прошлого всё ещё живёт где-то глубоко внутри меня.

— Поль, ты домой? – низкий голос Андрея, неожиданно раздавшийся за спиной, заставляет меня обернуться.

— Да.

— Я проведу тебя, только куртку заберу, не убегай.

Подмигнув мне, отходит к стойке гардероба, а в этот момент у меня в сумке начинает звонить мобильный.

Отступаю подальше от галдящих ребят, чтобы быстро достать его.

То, что звонит Глеб, я знаю по мелодии звонка.

— Алло? – принимаю вызов, отойдя к окну и отвернувшись.

— Ты звонила, Полин? – голос мужа звучит устало.

— Да. Хотела спросить как ты и когда будешь?

— Не знаю. Еще в офисе с Данилом.

С ума сойти. Время уже девять часов.

— Серьезное что-то происходит?

— Не серьезнее, чем обычно. Ты сама как?

Открываю рот, чтобы ответить, когда на заднем плане из динамика раздаётся услужливый женский голос:

— Глеб Сергеевич, я накрыла ужин.

— Спасибо, Даш, — отвечает Глеб, а я ловлю себя на том, что секретаря он только что не упомянул.

А она, оказывается, всё таки приехала.

— Поль? — повторяет вопрос.

— Я нормально. Была на встрече выпускников в ресторане, — произношу, когда вдруг чувствую, что с моего локтя сползает пальто.

Пытаюсь схватить его, полагая, что оно падает, но вместо ткани касаюсь пальцами чужой руки. Резко поворачиваю голову влево. Андрей, глядя мне в глаза, молча забирает у меня пальто и открывает его, предлагая одеться.

Совсем не вовремя, и неуместно...

— Выпускников? Разве вы собираетесь? — спрашивает муж, пока я всё же по очереди засовываю руки в рукава.

— Это вышло внепланово. Потом расскажу.

Отвечаю и тут же вздрагиваю от того, как по моей шее скользят костяшки мужских пальцев. По коже от неожиданности тонкой струйкой пролетает электричество, когда Андрей вдруг собирает мои волосы и вытаскивает их наружу из-под легкой ткани пальто. Я сначала застываю, а потом с укором оборачиваюсь на него, перехватывая волосы и поправляя их сама.

Он вопросительно задирает бровь. Мол, что здесь такого.

И в этом я узнаю его. Для него никогда не было проблемой то, что для других считалось шагом за грань.

Разговаривать при нём с мужем становится некомфортно, поэтому я тороплюсь на выход.

— Сейчас еду к маме. Если ты будешь поздно, тогда мы останемся у неё.

— Без проблем. — говорит Глеб, — Я всё равно скорее всего с утра снова уеду в офис.

— И завтра тоже? — вылетает из меня эмоционально.

Пульс частит то ли от этой новости, то ли от нахальства Андрея, который спокойно идёт следом.

— Да... Что? — Глеб отвлекается, когда я выхожу на улицу, — Блядь, заебал... — выругавшись, возвращается ко мне, — Всё, Поль, отбой. Позже созвонимся.

— Хоро... шо... — из-за того, что вызов сбрасывается последний слог договариваю уже сама себе.

Стиснув телефон, потому что терпеть не могу, когда он так делает, раздраженно убираю его в сумку. Из ресторана как раз вываливается вся наша шумная компания.

— Точно не поедете? — уточняют ребята, погружаясь в такси, — Много потеряете.

— Я точно — нет, — уверенно киваю, — а ты, если хочешь, езжай, — говорю Андрею, пожимающему руку Олегу.

— Нет, я старый стал. Нагулялся, — усмехается он. — Теперь бы домой быстрее. Если бы там еще ждал кто-то...

Когда наши уезжают, погружая улицу в тишину, а я собираюсь вызвать такси, он закидывает голову, глядя вверх на чистое небо.

— Слушай, погода такая классная. Может, пройдемся? Ты где живешь сейчас?

— Живу далеко, но сегодня мы с Пашей ночуем у мамы, а она живет там же, где и раньше.

— Так это близко. Минут двадцать и будешь дома. Идём? — приглашающе заламывает бровь.

В глазах мелькает ожидание, пока я прикидываю насколько правильным будет согласиться. С одной стороны, ничего в этом такого нет. А с другой – всё-таки это не любой проходящий мимо мужчина, а Андрей.

— Польша, решайся, — заметив мои колебания, он тут же подталкивает меня к решению, — не съем я тебя. Пообщаемся. Не виделись с первого курса.

Это правда. Я поэтому и удивилась, что он сегодня оказался на встрече. Отучился Андрей в нашей группе только год, а потом уехал.

— Давааай погнали. Погодка шепчет.

И это тоже правда. Сегодня, несмотря на то, что на дворе ранняя весна, довольно тепло и домой после такого вечера торопиться тоже особо нет желания. Поэтому выдохнув, я все же соглашаюсь.

— Ну пойдём.

Сначала мы идём молча. Просто шагаем рядом, не зная с чего начать диалог. Довольно странно – идти вот так, спустя столько лет после расставания. И понять о чем говорить получается не сразу, но я все же нарушаю молчание первой.

— Ты сказал, что дома тебя никто не ждёт. Как так? Сколько я помню, у тебя всегда кто-то был.

Андрей понимающе хмыкает.

— Кутёж остался в прошлом. А вторую такую, к которой хотелось бы возвращаться я пока не нашел.

Я чувствую, что Андрей смотрит на меня, но, во-первых, не уверена, что он говорит обо мне. А во-вторых, даже если и так, то это чушь. Он изменял мне направо и налево, и уж точно возвращаться ко мне не слишком торопился.

— Ну что ж, значит, у тебя еще всё впереди. Найдёшь, — отвечаю то, что уместно в данном случае.

— Не знаю. Я перестал искать. Если найдется, значит хорошо. А нет... будет мне наказанием за то, что был долбоёбом и вёл себя как последний мудака.

Надо отдать ему должное: похоже, Андрей действительно вырос и изменился, если находит в себе силы это признать.

На сказанную реплику у меня нет ответа, поэтому я просто иду дальше, пока он сам не меняет тему.

— Я видел, ты продолжаешь рисовать. Помню, в универе у тебя отлично получалось.

— Да, — губы плывут в улыбке, потому что тема моего увлечения всегда действует на меня магически.

— Красивые работы. Мне понравилась та, что с тенями на песке.

— То есть ты не только на мою личную страницу заходил, а еще и на рабочую? – скашиваю на него вопросительный взгляд, а он с наигранным раскаянием прикладывает руку к груди.

— Каюсь. — стреляет своими абсолютно бесстыжими глазами, чем заставляет меня улыбаться еще шире. — Продаются хорошо?

Крошечные морщинки вокруг светлых глаз делают его до боли похожим на себя прежнего, что запускает во мне неуместную реакцию.

Отворачиваюсь и мотаю головой.

— Нет. Я пытаюсь заявить о себе, но пока безрезультатно.

— Расскажешь?

— Нечего рассказывать, — развожу руками. — Галереи не хотят работать с новичками. Либо же я недостаточно хороша, чтобы иметь честь выставляться у них. Не знаю. Но я люблю рисовать....

— Я помню. – перебивает он, — И нет, ты больше, чем хороша, Поль. Просто обычно галереи предпочитают уже проверенных авторов. Пробриться с нуля довольно сложно. Но нет ничего невозможного. Ты пробовала участвовать в открытых наборах?

— Нет. Мне кажется, туда невозможно пробиться.

Я знаю, что открытый набор — это прекрасная возможность, конкурс, на который экспертный совет выбирает из тысяч заявок лучших, чтобы дать им стенд на главной площадке города. Но отношусь к этой затее скептически.

— Ошибаешься. Очень даже возможно, — уверенно парирует Андрей. – Сейчас, по моему, как раз идет регистрация на осенний фестиваль. Поинтересуйся. А я в свою очередь подержаю за ниточки знакомых, может удастся выбить для тебя место в одной из галерей.

— Ты что? Не надо, — это вовсе не в моей природе просить о помощи.

— Давай я уж как-то сам решу надо или нет. Без связей даже самый талантливый художник будет рисовать для себя и круга своих знакомых. Семь рукопожатий всегда работают на пользу того, кто ищет.

Знаю, что это так. Но ...

— Это неудобно, Андрей.

— Неудобно – это когда член не встаёт во время минета. А помощью пользоваться удобно и нужно, Полин.

— Это ты личным горьким опытом сейчас делишься? – подстегиваю его, за что в ответ получаю хриплый смех.

— Боже упаси, но даже если бы у меня и был такой опыт, с тобой я им бы точно не поделился.

Глава 8. Глеб

Просыпаюсь как от толчка. Меня подкидывает на диване и первые несколько секунд уходит на то, чтобы вспомнить где я нахожусь. Офисные стены, заваленный бумагами стол... мой кабинет.

Точно. Меня вырубил прямо в офисе, и домой я не поехал. По мере того, как возвращается сознание, в памяти всплывают причины того, почему меня отрубило именно здесь.

Акции по ЛМЛ.

Блядь, КОТИРОВКИ ЛМЛ!

Рывком встаю, оглядываясь в поисках планшета, и запутываюсь в невесть откуда взявшемся пледе, которым я оказываюсь укрыт. Откидываю его в сторону и схватив со стеклянного стола планшет, проверяю внебиржевой рынок. Там всё ещё «красно». И не просто красно, цена просела еще на пару пунктов.

Ссссука.

По ребрам паршивой вибрацией проходит ярость.

Благо, падение не обвальное, но даже такие цифры сулят еще один дерьмовый день.

Откинув планшет, нервно растираю лицо. Только сейчас чувствую, как затекла шея. Офисный диван предназначен для того, чтобы на нем сидеть, а не коротать ночи, поэтому мышцы ломит нещадно. А еще чертовски хочется двойной эспresso и в душ. Душа у меня в офисе нет, а за кофе придется сходить на кухню.

Едва успеваю об этом подумать, как в дверь раздаётся тихий стук. Ручка опускается, в приоткрытый проем заглядывает Даша.

— Доброе утро, — заметив меня, открывает дверь решительнее, — Вы уже проснулись?

— Да, заходи. Ты чего здесь так рано?

— Подумала, что Вам не помешает ударная доза кофеина.

По мере того, как она приближается я замечаю в её руках картонную подставку с двумя большими бумажными кофейными стаканами.

Ну золото, а не секретарь.

— Я выдам тебе премию, если не обанкрочусь до конца недели, — обещаю, принимая у неё заветный напиток.

Эспresso оказывается так себе. Сама она варит гораздо вкуснее, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

— Не приbedняйтесь, Глеб Сергеевич, — усмехнувшись, Дарья ставит подставку со вторым стаканом на тумбочку, а сама складывает сброшенный мной на пол плед. — Ничего, что я вчера посвоевольничала и укрыла Вас? Просто ночью было довольно прохладно, не хотелось бы, чтобы помимо испорченных нервов Вам пришлось бы еще лечить насморк.

— Всё нормально. Спасибо. Но когда ты успела? Я отключился уже после того, как вы с Данилом уехали, — помню, что Мирошниченко вызвал им такси, а я думал прилечь минут на десять, и в итоге вырубился.

— Мне пришлось вернуться, — делает выразительный жест «рукалицо», и отложив плед, присаживается рядом на диван. Достает свой стакан кофе, — Я ключи забыла от квартиры в столе, а поняла это уже, когда приехала. Что поделатъ, если по жизни растяпа? Вернулась, заглянула к Вам и увидела, что вы спите. Вот и достала из подсобки плед. Негоже боссу мерзнуть.

Сделав небольшой глоток, поворачивается ко мне лицом.

Даше двадцать четыре. Молодая, резвая. Даже по выражению глаз видно, что жизнь в ней бьёт ключом. Иначе как еще объяснить то, что секретарь самовольно едет в офис в свои выходные?

Вчера она прискакала с пачкой распечаток — официальными уведомлениями для клиентов о рыночной волатильности. Вопрос был не горячий, но такая исполнительность — еще один жирный плюс в её досье.

В итоге и от неё была немалая польза. Мы с Даней напрочь забыли о том, что нужно не только мозгами работать, а и питаться. Даша организовала нам ужин. А потом еще и села информацию о юристах искать, которые подали иск на ЛМЛ.

Мне было не до этого, так как я пытался договориться с управляющими других компаний не скидывать бумаги, чтобы акции не упали в ноль. Даня тоже погряз в таблицах, пытаясь прикинуть сколько нам в случае чего надо доложить денег, чтобы позиции не закрыли принудительно. Вот Даше и остались не жизненно важные вопросы.

Тем не менее, с работой она своей справилась. Юристы оказались профи, к ним не придраться, а значит доводить дело будут до конца. Что в моем случае — херово.

Оглядываю простенькую, но довольно симпатичную мордашку девчонки, отмечая, что несмотря на то во сколько она вчера легла, сегодня Даша выглядит так, будто выпалась за нас двоих с Данилом. Идеальный макияж, волосы затянуты в высокий хвост, правда привычный деловой образ сменила на простенькие джинсы и кофту в обтяг. Обычно на ней строгие блузки, или пиджаки, скрывающие грудь и талию. Сейчас же тонкий трикотаж не оставляет места для воображения, выставляя на обозрение привлекательные женские изгибы. Съезжаю взглядом ниже, фиксируя это скорее на автомате, чем с реальным интересом.

— Вы извините, что я сегодня неподобающе выгляжу, — вероятно, расценив мой взгляд по-своему, спешит оправдаться. — У меня вчера был день большой стирки. Я постирала всё, кроме пары вещей. Вот и пришлось ехать в том, что осталось сухим.

— Да забей. — возвращаю взгляд к её лицу. Зеленые глаза смотрят прямо на меня. — Воскресенье. Ты вообще здесь быть не обязана.

— Сверхурочные можете не доплачивать. Я просто очень ответственная и заботливая, — пожав плечом, улыбается.

Во взгляде искрится лукавость, но мой настрой сегодня явно не в векторе поддерживать диалог.

— Забота — не главное качество секретаря, но я запомнил плед и кофе, — взмахиваю стаканом перед тем, как сделать несколько больших глотков и вернуться к планшету.

— Вы планируете оставаться здесь? Если да, то я закажу завтрак, — предлагает, поднимаясь с дивана.

— Нет. Поеду домой. Ты тоже езжай. Отдохни хотя бы сегодня, — говорю, не отрывая взгляда от экрана.

Эта красная падающая линия вызывает зуд.

— Я не устала. Но если Вы уедете, то делать мне здесь точно нечего.

Даша уезжает, а меня набирает Владленов. Второй инвестор, чьи деньги я вложил в ЛМЛ. Вчера мне не удалось убедить его переждать бурю, он настоял на выводе, и та сумма, которую он потерял на фиксации убытка, теперь целиком на его совести. Естественно, признавать это он не спешит.

— Я как чувствовал, Глеб, что не надо тебе доверять в этом вопросе, — с ходу выёбывается он, едва я отвечаю на звонок.

— Ну почему же? На данный момент график относительно стабилизировался. Нет никаких гарантий, что завтра он не поползет вверх.

Знаю, самоуверенно, но именно так часто и бывает.

Закидываю в карман брюк ключи и выхожу из кабинета. Кивнув на выходе охраннику, спускаюсь на подземный паркинг.

— Ты читал сводки по этим акциям? Предрекают полный крах.

— В две тысячи двенадцатом предрекали конец света, Виктор Петрович. И ничего, всё еще топчем землю.

— Ох, Топольников, не умеешь ты слышать, когда тебе умные люди советы дают, — выдаёт высокомерно.

Я невольно кривлюсь. Как же заебали эти советчики. Владленов год назад благодаря мне поднял несколько миллионов на айти-секторе, в который никто не верил. В один момент их тоже постигла качка на рынке. Многие дернулись выводить деньги, и он тогда не был исключением. Вopil, что если я проебу всё, что он вложил, он меня с лица земли сотрет, но на тот момент у него была вложена немалая сумма, чтобы вот так, по одному требованию не секущего в этом деле бизнесмена безосновательно их вывести.

По итогу, старый хрыщ остался в шоколаде. Вчера же я вывел его «копейки», но уже с потерями. Тут не мой факап. Просто надо подходить ко всему с холодной головой и правильными расчетами.

— Спасибо, за советы, Виктор Петрович, я их все учту. Буду ждать Вас на следующей неделе.

Он собирался заходить в новый фарм-проект, который только ищет инвесторов.

— Я подумаю. Понаблюдаю еще за ситуацией. Не хотелось бы разочароваться в тебе, как в финансовом стратеге.

Вот же сука....

Сцепив зубы, скидываю вызов и забираюсь в машину. Завожу двигатель.

Ненавижу, когда сомневаются в моих профессиональных качествах. Не доверяешь мне, ну и хер с тобой. Найди другого брокера и еби мозги ему. Но нет, он будет клевать мне печень, но при этом вкладываться именно через меня.

А я пока еще не на том уровне, чтобы послать прямым текстом, не боясь потери одного клиента.

Они все завязаны друг на друге. Уйдёт один, и свалят другие.

Вот и приходится глотать.

Мотнув головой, скидываю с себя раздражение и тянусь за мобильным.

Надо набрать Полину и забрать их с Пашкой от тещи. А потом пулей домой.

Мне блядь жизненно необходим душ.

Глава 9. Полина

— Ничего бы не случилось, если бы ты всё-таки зашёл на пару минут.

Вручаю Глебу сумку с контейнерами, полными еды, от мамы.

Муж забирает их и открывает багажник, чтобы поместить внутрь. Выглядит немного уставшим и помятым.

— Я заебался, Полин. Мне сейчас не до обмена любезностями, — захлопнув багажник, подходит к сидящему в детском сидении сыну, чтобы закрепить ремни. — На пять минут зайти не получилось бы, ты знаешь тещу. А на дольше меня в моменте не хватит.

— Пап, мы поедем на картинг? — Паша с надеждой смотрит в глаза Глебу, пока я занимаю свое место, рядом с водительским.

— Нет. Сегодня никак, Паш. Извини, — отрезает муж безжалостно. — На следующих выходных с тобой наверстаем.

Оборачиваюсь и вижу, как сникает личико сына. Сердце кровью обливается от того, что вот уже который раз Глеб переносит на задний план время с ним.

Закрепив ремни, муж садится за руль и заводит двигатель.

— Не давай обещаний, пожалуйста, если не уверен, что выполнишь их, — прошу его негромко, чтобы Паша не слышал.

Глеб бросает на меня серьезный взгляд.

— Когда я их не выполнял? — спрашивает резко.

И да, в этом мужа не уличить. Слов на ветер он никогда не бросает. Но у ребенка другая психология.

— Понимаешь, — пытаюсь ему это втолковать, — Пашка растёт, впитывая нашу модель поведения и если видит, что мы, его родители, не выполняем то, о чем говорим, то потом и сам будет делать также.

— Я не сказал, что мы туда вообще не поедем. — отрезает Глеб, — Я сказал, что планы переносятся.

— Значит, нужно стараться делать так, чтобы планы не переносились. Хотя бы те, что касаются сына, — с силой дернув ремень безопасности, я со щелчком вгоняю его в замок.

Потому что Паша не я. Он не может искать оправданий в свои почти четыре года. И потом просто потеряет к нам доверие.

— Если бы я мог сказать акциям компаний держаться на уровне и расти только вверх, сделал бы это не задумываясь. — в мужском голосе сквозит металл, — Мне так тоже гораздо выгоднее, чем ночевать в офисе и пить дерьмовый кофе, купленный секретаршей утром.

Я так и застываю, не успев выпустить ремень из руки.

Перевожу на него удивленный взгляд.

— Ты ночевал в офисе?

— Да. Спасибо, что спросила.

Новость обескураживает.

Глеб никогда прежде не ночевал на работе, даже если у него была вот такая же запара, как сейчас.

— Ты не сказал. Откуда я могла знать? — произношу уже иным тоном и отворачиваюсь к окну.

По венам курсирует раздражение. Мало того, что ему пришлось спать не дома, так там откуда-то ещё и секретарша в воскресенье утром нарисовалась. О том, что она была там вчера в десять вечера я вообще молчу.

У неё личной что ли нет, чтобы своё свободное время тратить на начальника?

Лидия Павловна, прошлый секретарь Глеба, на выходных не перерабатывала.

Шумно и резко выдохнув, муж кладёт пятерню на мое колено и сжимает его, как делает всегда, когда мы едем куда-то вместе. Обычно я отвечаю, сплетаю наши пальцы или поглаживаю его ладонь. Сейчас же это прикосновение не вызывает во мне привычных желаний. Я дергаю ногой, но Глеб силой удерживает ее на месте.

— Так вышло, — говорит с нажимом, — я решил, что раз вы все равно остаетесь у тещи, то домой мне спешить нет смысла. Была уже почти полночь, когда мы освободились. Вот я и завалился на диван.

— А Даша? — колкость в моем голосе скрыть не получается.

— Что Даша?

— Она завалилась на тебя сверху?

Глеб резко поворачивает в мою сторону голову.

— Не понял сейчас?!

— Чего ты не понял? Ночуешь в офисе. Даша там тоже дежурит круглосуточно. Вот я и спрашиваю – спали вы случайно не вместе? – встречаю его ошалевший взгляд.

— Ну конечно, – рывкает он, отнимая руку и обхватывая руль, — Это именно то, чем я занимался в перерывах между тем, как проверять котировки компании и убеждать клиентов не выводить бабки – ебал секретаршу.

Пульс срывается, по позвоночнику разлетаются колкие льдинки от одних этих мерзких слов.

Я машинально проверяю в отражении сына, чтобы он не слышал ругательств, но Паша в наушниках слишком занят просмотром мультика на планшете.

— Полина, ты серьезно? – в голосе Глеба звучит упрёк. – Раньше за тобой ревности не водилось. Или это такой способ показать, что ты злишься?!

Делаю вдох, и рассерженно выдыхаю.

Скорее всего, второе.

Глеба я действительно никогда не ревновала. Зачем? Если мой муж не давал ни единого повода. Несмотря на то, что в обществе женщин Топольников не остаётся незамеченным, его внимание всегда целиком и полностью было направлено только на меня.

Если бы не его настойчивость в самом начале наших отношений я думаю, что мы и вместе-то не были бы. Потому что я не ждала от него искренности. После Андрея казалось, что любой другой мужчина поступит со мной также. Но Глеб был другим. И в отличие от бывшего, находясь в компаниях, не распалялся на комплименты девушкам, а был сосредоточен только на мне.

Поэтому я и не думала его ревновать. Да и сейчас понимаю, что Даша – это просто секретарь. Она молодая, и в отличие от Лидии Павловны ей необходимо зарекомендовать себя. Вот и старается изо всех сил.

А меня просто бесит, что всё свободное время Глеба достаётся не нам с сыном, а ей.

— Как обстоят дела с акциями? Всё плохо? – намеренно меняю тему, потому что понимаю, что со стороны выгляжу неадекватной истеричкой, коей никогда не являлась.

— Не критично, — тоже чуть спокойнее отвечает Глеб. — Разрулю.

— Ясно...

Глава 10. Полина

По приезду домой Глеб первым делом направляется в душ, а я иду на кухню, чтобы выгрузить контейнеры с едой.

Мама собрала всё, чего ей было не жалко. И котлеты, и картошку, и пирог с яблоками. Могла бы, весь холодильник сгрузила для Глеба.

«Ведь он голодный» — твердила она, собирая ему гостинцы.

А я теперь даже не знаю – голодный он или секретарь готова расстараться не только о кофе, но и на полноценный завтрак со всеми вытекающими.

Психанув сама на себя за идиотские мысли, захлопываю дверцу холодильника и иду в спальню.

— Мам, я лего пособираю, — кричит мне из своей комнаты Паша.

— Хорошо. Хочешь, я составлю тебе компанию? — заглядываю к нему и увидев, что сын так и уселся в том, в чем приехал на пол с коробкой лего, подхожу и снимаю с него свитер.

— Нет. Я сначала сделаю замок, как меня бабушка научила. И покажу вам. Вы такой еще не видели, — обещает он с грохотом вываливая свои сокровища на ковер.

Паша просто обожает лего, а мне остаётся только удивляться откуда в детской голове столько фантазии, чтобы строить разного рода шедевры.

Я и половины бы не придумала того, что придумывает он.

С нежностью треплю темную макушку и целую, вдыхая запах детских волос.

— Договорились. Позовёшь нас.

Улыбнувшись тому, как он с ходу погружается в работу, отправляюсь к себе.

Пружина внутри ослабилась, но до конца не отпускает.

Так всегда бывает – стоит завестись. Злость, как раковая опухоль, за короткое время поражает клетки, а на то, чтобы восстановить их уходит гораздо больше времени.

Я подхожу к шкафу как раз, когда Глеб, обернутый одним полотенцем, низко висящим на бедрах, входит в комнату. Закрыв за собой дверь, проходит вглубь, а мой взгляд несется вслед за ним.

Скользит по рельефной спине, цепляясь за россыпь нескольких родинок под правой лопаткой. Поднимается выше к широким плечам, перетекает с одного на другое, пока он сбрасывает с себя полотенце, открывая мне на обозрение подтянутую пятую точку.

Резко отворачиваюсь и обхватив подол кофты, тяну её вверх. Закидываю на полку, а после щелкаю застежкой на лифчике, чтобы снять и его. Едва бросаю белье в выдвижной ящик, как по телу проходит судорога от неожиданного прикосновения.

Глеб, встав сзади, обхватывает мою грудь ладонями собственническим жестом и сведя ее вместе, прижимается к моему уху губами.

Я застываю. Первый порыв – вырваться, поэтому я дергаю плечом, но от этого оказываюсь прижатой еще крепче.

Пальцы, которые всегда приносят мне сумасшедшее удовольствие, сжимаются вокруг напряженных бусинок сосков, заставляя меня судорожно втягивать ртом воздух.

Я вздрагиваю, но внутренне все еще злюсь. То ли на него, то ли на себя за то, что продолжаю крутить в голове мысли о секретарше.

— Ну, а ты как провела вчерашний вечер, любимая? — хриплый голос мужа вибрацией раздается по моей шее.

Глеб дразнит меня, делая шаг к примирению. Ласкает грудь, скользит губами по шее, заставляя сдаться, как делает всегда. Как делал еще тогда, когда мы только начали встречаться. Я закрывалась, боясь впустить его ближе, а он пробивал себе дорогу ко мне напором. Целовал, раскрепощал, вытеснял из головы мысли о том, кто жил там даже спустя год...

— Отлично. Подала заявку на участие в арт-фестивале, — мне хочется показать ему, что я тоже не просто развлекалась.

Что в будущем не только его работа сможет быть полезной для нашей семьи, и совершенно не обязательно будет лезть вон из кожи, проводя в офисе столько времени.

— Ммм. Решилась? — большая ладонь скользит вниз по моему животу.

Расстегнув пуговицу на джинсах, Глеб тянет вниз молнию, а уже через секунду его рука оказывается в моих трусиках.

Ох...

— Да. Последовала совету однокурсника.

— Да что ты?

По телу несется дрожь, стоит ощутить на самой чувствительной точке прикосновение пальцев.

Я ахаю, уже сама откидываясь ему на грудь, а он принимается совершать умопомрачительные круговые движения.

— И что это за однокурсник? Когда я тебе говорил зарегистрироваться на конкурсах, ты утверждала, что в них нет смысла, — колючая щетина царапает мою шею, но это только добавляет остроты.

— Потому что я считала, что там всё куплено.

— То есть мои слова для тебя не имеют веса?

— Имеют, — поворачиваю голову, и застываю в миллиметре от его губ. Глеб разжигает меня своим потемневшим взглядом, а пальцами намеренно доводит до исступления, то лаская снаружи, то погружаясь внутрь. Туда, где я уже влажная. — Но ты далёк от искусства и субъективен. Тебе нравятся мои работы, потому что нравлюсь я. А Ан... — имя бывшего застревает в горле, как кость. И вроде как ничего такого в том, чтобы сказать, что совет мне дал именно он — нет, но я отчего-то не могу этого сделать. — Антон ближе к живописи. — вру, опуская взгляд и сбивчиво договариваю, — Он как никак, заканчивал архитектурный.

— Вот оно что...

Голос Глеба звучит без претензий, но с характерной властной ноткой. Он одним движением разворачивает меня к себе и захватывает мои губы своими. Уверенно, напористо. Так, как умеет только он. Будто намереваясь что-то доказывать.

А мне доказывать ничего не нужно.

Я лну к нему моментально. Оплетаю мужскую шею руками, встав на носочки и разгораясь сильнее и сильнее с каждой секундой. Животом чувствую его каменную готовность.

Мне настолько не хватает его в последнее время, что я готова даже на быстрый, короткий секс.

И кажется, Глеб тоже.

Муж рывком сдергивает вниз мои штаны, следом тянет трусики... и снова касается моей промежности пальцами, когда тишину, разбавляемую нашим сбившимся дыханием, нарушает громкая трель его мобильного телефона.

Я вздрагиваю от неожиданности, а Глеб, не отрываясь от моих губ, рывкает:

— Блядь, — нехотя отстраняется, но прежде чем отойти, говорит, — Не двигайся.

Окинув мое тело горящим взглядом, хватает с тумбочки телефон.

Я закусываю губу, наблюдая за тем, как он, возбужденный до предела, сжимает у основания член и выдохнув, чтобы привести в порядок дыхание, принимает звонок:

— Да, Юрий Николаевич.

По моему телу гуляет жидкая лава, требуя продолжения, но уже спустя секунду я понимаю, что ждать его не стоит. По крайней мере сейчас. Потому что хоть я и не слышу сути разговора, но требовательный тон позвонившего говорит о многом.

— Я держу руку на пульсе, — уверенно отвечает Глеб, в миг перевоплощаясь из моего героя любовника в профессионала, — не надо нервничать. У нас прописан жесткий стоп-лосс, и мы от него еще далеко. Пока ситуация в рамках допустимого риска, паниковать преждевременно, я уже говорил вам об этом вчера.

Глеб замолкает, но я вижу, как напрягаются мышцы его туловища. Челюсть сжимается, взгляд становится другим. Колким и холодным.

Момент упущен...

Снова...

Подавив вспышку недовольства, натягиваю назад трусики и надеваю домашний халат. По телу гуляет неутоленный голод, от чего кожа буквально зудит.

Выхожу из комнаты, а когда возвращаюсь на кухню, замечаю, что экран моего телефона подсвечивается.

Беру его в руки, и вижу один пропущенный от Андрея.

Вчера, после того, как он меня провел, и попросил обменяться номерами телефонов, мы выяснили, что ни у меня, ни у него, он не изменился. Несмотря на то, что бывший жил за границей, этот номер он оплачивал, так как часто приезжал сюда к семье или с девушкой.

Я его номер из телефонной книги не удаляла. Почему? Не знаю. Просто не удаляла и всё. Он мой, как оказалось, тоже.

Пока я смотрю на экран, снова испытывая то странное ощущение, которое испытала всего пять минут назад, когда не смогла назвать его имени, от Андрея приходит сообщение:

«Полин, я нашёл человека, который может обеспечить место твоим работам в его галерее. Расскажу при встрече. Ты же не против пересечься на кофе?»

Да ладно...

Всё моё раздражение и дурное настроение смывается, как и не было.

Не поверив, прочитываю сообщение еще раз. И еще.

Сердце в изумлении подсказывает и начинает тархтеть по грудной клетке. Мои работы в галерее? Он не шутит?

Недолго думая, открываю наш с ним чат и быстро пишу ответ:

«Ты серьезно сейчас? Конечно, я не против. Когда удобно будет встретиться?»

Глава 11. Полина

— В общем, есть один человек — Марк Левицкий, слышала о таком?

Слышала ли я?

Кто в нашем мире не слышал о Левицком? Он владелец галереи, в которую я и не думала совать нос, потому что там выставляются люди с именами, чьи работы улетают с аукционов за баснословные суммы.

— Конечно, слышала, — отвечаю со знанием, а потом застываю.

Останавливаюсь прямо посреди парковой тропинки, во все глаза смотря на Андрея, из-за чего ему тоже приходится остановиться и обернуться.

— Только не говори, что ты имел в виду именно его, когда говорил, что нашел для меня галерею...

Самодовольная улыбка на мужском лице заставляет всё внутри меня сжаться в тугий узел. Я моргаю. Ещё раз. Как будто это нехитрое действие может заставить Андрея перестать так многозначительно улыбаться и дарить мне эту безумную надежду.

Но он не перестаёт сколько бы я не моргала...

— Нет, я тебе не верю, — мотаю головой, потому что это просто невозможно.

В галерею «Атмосфера» попадают только лучшие. И уж точно не новички без истории.

Усмехнувшись ещё шире, Андрей обхватывает мой локоть и тянет за собой, буквально вынуждая отмереть.

— Поверь. Мы давно знакомы. И он мой должник, можно так сказать. Поэтому да, Полиночка, я отправил ему твои работы, и он представь себе, за них зацепился.

Ах вот оно что... должник... Щекоучая радость, вспыхнувшая в груди, мгновенно оседает скверным осадком.

— Нет, на таких условиях я не соглашусь, — уверенно мотаю головой, потому что понимаю, что изначально заходить на рынок без уверенности в собственном таланте не тот фундамент, который мне нужен.

— Так, вот не надо сейчас додумывать, — Андрей правильно считывает мою реакцию и шагает прямо передо мной.

Мы снова останавливаемся друг напротив друга.

— Полина, Марк не из тех, кто подставит под удар репутацию галереи ради старых долгов. Он никогда не выставит посредственность. Когда я сказал, что он мне должен, я имел в виду только то, что у меня есть к нему прямой доступ. Но заставить его выставить твои работы я не могу — не настолько велик его «долг». Правда, для начала вам надо встретиться, обсудить всё, но уже факт того, что он готов на встречу говорит о многом.

Пристально смотрю на него, пытаюсь понять лжет он или нет. Выглядит искренним. Да и не согласиться с тем, что Левицкий переборчив, не получается.

— То есть, ты хочешь сказать, — озвучиваю копошащиеся внутри сомнения, — что мои работы ему понравились, потому что... просто понравились?

— Ты так говоришь, будто это невозможно, — хмыкает он, а губы, которые когда-то снились мне ночами, расплываются в ещё одной обезоруживающей улыбке. — Полю, ты — талантище. И выставять твои работы в одних только соцсетях форменное кощунство. Там же свалка. Ни один из настоящих ценителей не будет искать картины для своего дома или коллекции в чьих-то неизвестных профилях.

— Вот тут не согласна, — возражаю я, — Три мои картины купили именно там. Причем в самый тяжелый период, когда я была готова опустить руки и навсегда зачехлить кисти.

Инстинктивно вступаю за этот способ продвижения. Наверное, это глупо, но на подсознании ощущается, что такими словами Андрей принижает Глеба и его утверждения по поводу

того, что соцсеть одна из лучших площадок для продаж. Мне же хочется защитить мужа и его точку зрения.

— Просто твой профиль был новый, — легко парирует Андрей, — алгоритмы подтолкнули его вверх, вот тебя и заметили. Но на одном везении далеко не уедешь. Крутиться дальше нужно самостоятельно. Вкладываться в таргет и так далее. Зачем тебе это делать, если можно положиться на Левицкого? Он как никто умеет раскручивать художников.

Против этого аргумента не попрешь. Одно дело — в одиночку пробивать лбом стену, и совсем другое — довериться опытному куратору.

— Возможность, конечно, редкая, — соглашаюсь, обходя его и снова начиная медленно идти по тропинке парка.

Мы выбрали это место для встречи, чтобы прогуляться. Погода сегодня солнечная, плюс семнадцать. Наконец-то расцвели тюльпаны. Грех было бы просто просиживать в серых стенах кофейни.

— Но? — Андрей безошибочно улавливает мои колебания.

— Сколько это будет стоить?

— Аааа, ты об этом. Нисколько, — легко выдаёт он.

— В каком смысле? — резко перевожу на него взгляд.

— В прямом. Марк не берет денег за аренду. Он не арендодатель, он — галерист, Поль. Если Левицкий берет художника, то работает с ним на партнерских началах. Стандарт — пятьдесят на пятьдесят с каждой продажи. Он берет на себя каталог, приглашительные для коллекционеров. Твоя задача — только картины.

— Пятьдесят процентов? — я невольно пересчитываю в уме. — Это честно. А если ничего не продается?

— Тогда ты ничего не теряешь, кроме времени. Но Марк не выставляет то, что не продается, поверь мне. У него зверское чутье на деньги. Единственное, что с тебя как с дебютантки, он может потребовать чуть больший процент. Тут уж вам надо будет договариваться при встрече. Сейчас он в Базеле, прилетает через несколько дней. Тогда мы с ним и пересечемся.

Я задумчиво шагаю, рассматривая узор плитки под ногами. Шанс и впрямь грандиозный. Я не раз следила за презентациями, которые Марк Левицкий устраивал для художников в своей галерее. Обычно — это вечера с размахом, куда приглашаются известные блогеры, репортеры, гости и коллекционеры.

После такого просто нельзя остаться незамеченным. Обязательно кто-то запомнит и нужно будет просто дальше подхватывать волну и усердно работать. К этому я, конечно, готова, вот только поверить, что подобное возможно пока не получается.

— Ну, так что, я заслужил благодарность? — толкнув меня в плечо своим, Андрей хитро улыбается.

Я дарю ему благодарную улыбку в ответ.

— Да... в любом случае спасибо, даже если и не получится, ты всё равно...

— Что значит, не получится? — перебивает меня он, останавливаясь, — Больше уверенности в себе, Поль. Ты заслуживаешь того, чтобы сиять ярко. И твоё «спасибо» вообще не катит за благодарность.

— Ну, пока еще я нигде не сияю...

— Я понял, — он кивает, глядя на меня долгим, изучающим взглядом, — значит, благодарности в виде поцелуя я не получу...

В его синих глазах вспыхивает недвусмысленный намек, и память мгновенно подкидывает картинку из прошлого.

Когда-то на вступительном экзамене в университет, когда нужно было нарисовать Аполлона я так нервничала, что дрожали руки. Андрей стоял рядом и заметив мой мандраж, про-

тянул свою и сжал мои пальцы. Вот так просто. Абсолютно незнакомый парень. Я вздрогнула, а он указал глазами на мой пустой холст и тихо прошептал «Если поступим, ты будешь моей. Так что будь добра, постарайся». Я страшно засмушалась, но нарисовала тогда почти идеально. После того, как огласили списки поступивших, Андрей материализовался передо мной буквально из ниоткуда и ткнув себе на щеку пальцем, сказал тоже самое, что и минуту назад «Ну что, я заслуживаю благодарности в виде поцелуя?».

Тогда я поцеловала его и ... после этого буквально провалилась в нем без остатка.

За кратчайший срок я полюбила в нём ВСЁ! Его глаза, улыбку, то, как смотрел на меня в самом начале наших отношений. Как-будто я самое ценное, что есть в его жизни.

Вот и сейчас он смотрит также. Открыто и прямо. И уже даже не улыбается, будто его шутка о поцелуе перестала иметь шуточный окрас.

Ловлю себя на мысли, что смотрю на него непозволительно долго. Дольше, чем того требует чувство вежливости или благодарности. Словно он как паук, подцепил меня на свою липкую сеть и тащит назад, туда, где я была самой счастливой и несчастной одновременно. Уплываю, теряя твердость земли под ногами.

И это ощущение... оно ужасно. Как стихийное бедствие, которое стремительно приближается, и мне во что бы то ни стало нужно его избежать.

Поэтому я силой заставляю себя сморгнуть накативший мираж и прокашливаюсь.

— Если ты забыл, то я замужем, — напоминаю ему, мысленно критикуя себя за невесть откуда взявшуюся реакцию.

Губы Андрея на этот раз не улыбаются. Лишь дергаются в подобии ухмылки.

— Этого не забудешь, — бросает он прежде, чем указать головой куда-то в сторону и произнести уже совсем другим тоном. — Пойдем перекусим. Ты всё ещё фанатка лазаньи?

Глава 12. Полина

Мягкий ворс кисти касается холста, оставляя за собой вязкий, сочный след светло-алого. Я сосредоточенно перевожу взгляд от живых тюльпанов, подставленных яркому весеннему солнцу, к своему наброску. Прищуриваюсь, пытаюсь поймать ту самую неуловимую грань, где лепесток уходит в густую, почти чернильную тень. Нащупав её, макаю кисть в чуть более темный оттенок и осторожно провожу ею по холсту.

Сегодня я выехала за город, чтобы изобразить распустившиеся тюльпаны. Хочу сделать серию, и для этого выбрала знаменитый парк, в котором каждый год цветёт огромное разнообразие оттенков этих цветов.

Солнце еще стоит не высоко, людей в это время суток немного. Все в основном приезжают после обеда. Билет, правда, не самый дешевый, но эта красота того стоит. Вовремя мою машину вернули с СТО, а то на такси я бы сюда не рискнула ехать.

Вывожу неровную линию, собираясь еще немного затемнить оттенок, когда в кармане ветровки звонит мой мобильный.

Сняв одну перчатку, достаю его и с улыбкой принимаю вызов.

— Да, Кать?

— Привет, Полинка, — щебечет моя подруга, — Проезжаю мимо вашего комплекса и думаю забрать тебя на кофе. Как смотришь на это?

— Это было бы прекрасно, если бы я сейчас не находилась в Радужном парке, — отвечаю с небольшим сожалением.

Катя – жена Игоря, лучшего друга Глеба со времен их учебы в университете. Я знаю эту пару почти ровно столько же, сколько и мужа. Оба веселые, легкие на подъем, но бесконечно любящие друг друга. Глеб крестил их дочку Асю, поэтому мы не просто друзья, а почти что семья.

— Оу, тогда отбой, — слышу, как щелкает поворотник в машине. Вероятно, она уже успела перестроиться в нужный ряд, чтобы сворачивать в комплекс, — Может завтра?

— Не могу обещать. Хочу сделать наброски для будущей серии, пока цветут тюльпаны.

— Поняла. Тогда не буду отвлекать. Единственное, вы же про нашу с Игорьком годовщину помните? Через неделю ждём вас с Глебом.

— Конечно. Как можно об этом забыть? Вы определились с рестораном?

— Пока нет. Но я обещаю определиться, — смеётся она.

У Кати есть такая черта, она любит всё менять на ходу. Порой даже выбрав ресторан, за день может позвонить и сказать, что нашла другой.

— Договорились. Целуй от нас Асю.

Пока договариваю фразу, слышу, что кто-то пробивается на второй линии.

— Кать, мне тут звонят, отбейся, ладно?

— Пока-пока.

Подруга сбрасывает вызов, а я хмурюсь при взгляде на экран.

Звонок от воспитательницы – плохой знак. Это я уже выучила за те полгода, которые Паша ходит в сад.

Долго не раздумывая, принимаю вызов.

— Да?

— Полина Олеговна, здравствуйте. – всполошенный голос Яны Анатольевны заставляет меня напрячься. – Тут такое дело. Паша подрался с мальчиком.

Боже...

— Как он? – на автомате кладу кисть на подставку, а сама прикладываю руку к грудной клетке, в которой начинает заходиться от волнения сердце.

— Паша в целом нормально. Синяк только небольшой будет на скуле. Мы приложили лёд. А вот у другого мальчика синяк под глазом.

— Так...

— Я так понимаю, они не поделили внимание Софии и произошел конфликт. Мы вовремя их разняли, поэтому никто сильно не пострадал.

Понимаю, что задерживала дыхание, пока воспитатель всё это говорила и только услышав, что катастрофического ничего не произошло, с облегчением выдыхаю.

— Вот только мать Егора едет в сад и требует присутствия родителей Паши. – осторожно продолжает Яна Анатольевна, — Мы пытались объяснить, что можно побеседовать вечером, но она хочет именно сейчас. Поэтому, я прошу Вас приехать.

Так, рано я выдохнула...

— Я не могу сейчас, — развожу руками, как если бы она могла меня видеть, — я за городом и занята.

— И всё же постарайтесь, пожалуйста. Паша просит, чтобы его забрали. Забился в угол, и никого к себе не подпускает.

Прикрыв глаза, медленно втягиваю носом воздух.

— Хорошо, я попробую прислать за ним мужа или бабушку.

Сбросив вызов, набираю маму, но она как на зло не отвечает.

Жду несколько секунд, глядя на картину, которую только начала рисовать. Мне нужно еще как минимум часа два, чтобы закончить наброски. Остальное я могла бы дорисовать уже дома.

Давай же, мама, ответь.

Но как часто бывает, в самый нужный момент она недоступна.

Чёрт....

Стащив с руки вторую перчатку, бросаю её на подставку и набираю теперь уже Глеба.

Муж тоже отвечает не сразу, а когда все-таки это делает, первое, что я слышу это то, как он раздаёт указания.

— Даш, отправь все письма. – раздаётся отдаленно в динамике, — Быстро только. А потом набери Тихомирова. Сейчас поедem к нему. Да, Полин? – это уже адресуется мне.

— Привет, — выпаливаю, отшагивая на пару шагов от картины, — Глеб, я слышу, что ты занят, но сейчас мне очень нужна твоя помощь.

— Поль, вот именно сейчас у меня нет времени на помощь, — отрезает он спешно

— Значит, будь добр, найди его, — прошу, вкладывая в интонацию не требование, а скорее настойчивую просьбу, — Пашка в саду подрался. Ему плохо, и он просит, чтобы его забрали.

— В смысле плохо? – тональность мужа тут же меняется.

— Нет, в физическом плане с ним всё в порядке, — быстро спешу его успокоить, — но мы нужны ему. Морально.

— Поль, если никто не умер и Пашка нормально себя чувствует, то думаю это может подождать до вечера. У меня дел по горло. Я не могу всё бросить.

— То есть, если бы он умер, ты бы соизволил отвлечься? – понимаю, что звучу резко, но иначе не получается.

— За речью следи, — рявкает он. – И не драматизируй. Если ты сказала, что с ним все в порядке, значит всё нормально. У пацанов драться в крови.

— Он просит, чтобы мы приехали. И воспитательница тоже. Мама мальчика, с которым была драка требует там нас, — от закручивающихся внутри эмоций, мой голос звучит грубо. – А я за городом. С мольбертом и красками. Пока я всё соберу и доеду пройдет час минимум. Ты ближе. Просто забери его и отвези к маме. Это займет не больше тридцати минут.

Выпаливаю все это на одном дыхании, надеясь на понимающую реакцию мужа, вот только все мои старания идут насмарку.

— Глеб Сергеевич, Тихомиров позвонил сам. Он в ярости. Требует Вас немедленно, — раздражающе трещит секретарша, отвлекая внимание Глеба от того, что действительно важно.

— Глеб, — предупреждающе зову его, уже предчувствуя, какой ответ сейчас услышу, — Не смей!

— Полин, ты сама всё слышала! – твердо обрубает он.

— Глеб!

— Вечером поговорим.

И сбрасывает вызов.

Я стою, смотря в экран несколько долгих секунд и чувствуя, как от злости взрывается внутри каждый атом. Пульс летит вверх, вынуждая кровь закипать, как под воздействием нагревательного прибора.

Еще раз тщетно набрав маму, понимаю, что выхода нет.

Кроме меня ехать больше некому.

Прекрасно. Ведь главное – это работа Глеба. То, чем занимаюсь я – всегда можно отложить.

Глава 13. Полина

Схватив перчатки и кисти, упаковываю их в полиэтилен, палитру заворачиваю в другой. На то, чтобы помыть их сейчас нет времени. Едва начатую картину осторожно прячу в этюдник, стараясь не зацепить и не смазать краски. Масло – не акрил, на то, чтобы высохнуть у него уходит неделя, а то и больше. Всё зависит от того, сколько слоёв наложить.

Поэтому собравшись, я прячу всё в машину и сажусь за руль.

Эмоции за час езды стихают, уже не бурля гейзером, а тихо подтачивая изнутри, но в саду, почти с ходу возвращаются.

— Наконец-то, — в детской раздевалке меня встречает не мама Егора, а его отец.

Мужчина, на полторы головы выше меня, и шире раза в два.

— Я тебя что, до вечера должен был здесь ждать? – смотрит на меня злобно, сидя на детской скамейке.

— Вы сами потребовали, чтобы я приехала. А о том, что я была за городом вы не позаботились спросить, — бросаю ему на ходу и открываю дверь в группу.

Пашу замечаю сразу. Он так и сидит в углу на полу, насупивши своё личико. Такой ранимый и уязвимый, что моё сердце больно сжимается.

— Паш, — зову его.

Сын поднимает глаза, и заметив меня, тут же встает и срывается с места.

Я приседаю, поймав его в объятия.

Детские руки крепко обхватывают мою шею, а я прижимаю его к себе изо всех сил.

Хороший мой...

— Ой вот не надо строить из себя невинного, — мерзким голосом несется мне в спину. – Сам моему сыну глаз подбил, а теперь как овца к мамке жмётся.

Внутри меня взрывается ярость. На кончике языке крутятся очень резкие слова, но я не этот хамло и не могу позволить себе высказываний при детях.

— Сейчас пойдем домой, мой хороший. Одевайся, — мягко говорю сыну и встав, обращаюсь к недо папаше.

— Я не хочу переходить на личность, но овца здесь кое-кто другой. Тот, кто позволяет себе высказывания в адрес ребенка. Дети дерутся. Так бывает. И нужно ещё выяснить кто начал первым. Потому что мой сын ползть в драку сам не мог.

— Ну да, — фыркает мужлан, вставая со скамейки и нависая надо мной. – Он первый и зарядил моему Егору.

— Извините, — воспитатель сбоку покашливает, привлекая наше внимание. – Здравствуйте, — кивает мне вежливо. – Произошло всё так. Паша угостил Софию шоколадкой. Вы, наверное, в курсе? – смотрит вопросительно на меня.

— Конечно. Мы специально её купили утром.

Паше давно нравится Соня. И он время от времени просит покупать ей сладости, в чем я не отказываю. Считаю, это очень милым и приятным знаком внимания, тем более, Соня тоже не раз угощала его сладостями и даже дарила игрушки.

— Ну вот. Наверное, Егору тоже захотелось сладкого. Вот он и попросил Сонечку угостить его. Но она сказала, что откроет её дома и хотела унести, спрятать в ящик. Егору это не понравилось. Он вырвал у неё шоколадку и начал открывать. Она заплакала. Я как раз вошла в группу, когда она пыталась отобрать её у него. Он толкнул её, а потом Паша толкнул его. Ну а дальше уже закрутилось. Мы разняли их почти сразу, но как видите, последствия драки у обоих на лицо.

Она заканчивает, с опаской поглядывая на отца Егора.

Я тоже перевожу на него взгляд. Из рассказа следует, что первым начал потасовку именно его сын. Поэтому хотелось бы услышать извинения. Пусть не передо мной, так хотя бы перед девочкой и Пашей.

— А вы что, не учите детей делиться? – вместо этого с претензией предъявляет мне он. – Если светите шоколадкой, то будьте готовы и делиться с другими.

Мне кажется, я ослышалась. Несколько секунд смотрю на него, не веря, что из всего рассказа он услышал только это.

— А вы не учите своего ребенка, что чужое брать нельзя? – спрашиваю я, глядя на то, как его сын прячется за его ногой.

— Ты давай мне еще расскажи как ребенка воспитывать, мамаша, — рывкает он. — Значит так, с тебя компенсация за ущерб, — тычет в меня пальцем, — а с тебя извинения перед моим сыном, — а теперь в Пашу.

Гнев тягучим потоком прокатывается с головы до ног.

Паша как раз подходит ко мне, робко беря за руку, когда я крепко сжимаю его холодную ладошку.

Уверенно подхожу к жалкому представителю мужского пола.

— Ничего из перечисленного вам не положено. Научитесь сначала вести себя с женщиной. Потому что Егор берет пример именно с Вас. И теперь я даже не удивляюсь, почему он отобрал у девочки чужое. Если у вас будут претензии, решать мы их будем в кабинете директора. До свиданья.

С бурлящими внутри эмоциями, прохожу мимо него и выхожу во двор. Понимаю, что иду быстро, и Паша еле за мной поспевает, но притормозить не могу. Не хочу, чтобы он вдруг меня догнал и продолжил разборки.

В таком формате общаться с мужчиной я не привыкла. Ощущение, будто меня только что испачкали в грязи. Неприятно и мерзко.

Почему я должна всё это выслушивать? Сам не занимается воспитанием, а другие страдают.

— Мам, ты злишься? – спрашивает Паша, когда я сажу его в детское кресло.

— Ну что ты? – замерев, смотрю в детские глаза, в которых столько прикрытых эмоций. – Ты всё правильно сделал.

— Соня плакала, — говорит он, — а шоколадка была не для него.

— Я понимаю, — целую его в щеки, а потом занимаю водительское место. – Ты защитил девочку.

— Меня теперь выгонят из сада?

— Нет конечно. Не переживай. Мы во всём разберёмся.

Директор в саду адекватная. Думаю, стоит ей только посмотреть на папашу Егора, как картина сложится сама собой.

По пути домой покупаю пиццу, чтобы скрасить упавшее настроение сына, а потом оставшееся до вечера время мы проводим с ним на улице, гуляя на площадке, и дома, за рисованием.

Около пяти часов звонит Яна Анатольевна с просьбой задержаться завтра утром, когда мы привезем Пашу. Оказывается, после моего ухода этот мужлан устроил разнос уже ей и потребовал повторной встречи, потому что видите ли ему не дали высказаться.

Пересекаться с этим человеком у меня нет ни малейшего желания. Одна только мысль о том, что снова нужно будет встречаться с ним лицом к лицу вызывает озноб.

Я не отношусь к тому типу людей, который легко вступает в конфликт. У меня уходят все внутренние резервы на то, чтобы отстоять себя. Раньше, я не могла даже этого.

Робкая тихоня, держащаяся вдали от скандалов – это была я. Сильнее и увереннее в себе я стала после появления в моей жизни сначала Глеба, а потом и Паши. Материнство научило

меня, что никто не защитит моего ребенка так, как я. Поэтому за него я готова стоять горой, но это не значит, что даётся мне это легко.

Глава 14. Полина

Глеб приезжает снова позже обычного.

Паша, по своему обыкновению, бежит его встречать, а я остаюсь на кухне.

Открываю казан с рагу, когда слышу, что муж проходит по коридору, даже не заглянув сюда и не поздоровавшись.

— Есть будешь? – кричу ему, чувствуя, как угольки потушенных эмоций снова начинают медленно тлеть.

Потому что обычно он здоровается. Подходит и целует, в каком бы настроении не был.

— Нет, — коротко бросает Глеб, уходя вглубь квартиры.

Мои пальцы крепче сжимаются вокруг ручки крышки. Выдохнув, я звонко накрываю ею казан и выставляю на балкон остужаться. Знала бы, что он придет не голодный, давно бы убрала. Но нет, оставила, чтобы мог поесть горячий ужин.

Вернувшись на кухню, ставлю воду на чай и беру в руки телефон, чтобы чем-то занять руки. В груди неприятно разгораются остывшие угли, а я бесцельно листаю ленту соцсети, даже не улавливая смысла постов, которые мелькают перед глазами.

Чайник закипает, издаёт характерный щелчок, а я так и стою, пока на кухню не входит Глеб. В домашних штанах и футболке. Молча проходит мимо, достаёт из бара бутылку коньяка и одну рюмку. Наполнив её, махом опрокидывает в себя и уходит на балкон.

Отложив мобильный, я ступаю следом. Оперевшись плечом на дверной косяк, наблюдаю за тем, как он зажимает губами сигарету и подкуривает её.

Взгляд внимательно скользит по мужскому профилю с заострившимися скулами. Цепляется за то, как он чересчур сильно втягивает щеки, делая глубокую затяжку, а потом выпускает дым в приоткрытое окно.

— Привет, — звучу ровно, хотя внутри такое ощущение, что вибрирую.

Глеб слегка поворачивает голову на бок, будто настолько был занят своими мыслями, что не слышал, как я подошла. Но до конца не оборачивается и в лицо не смотрит.

— Привет, — отворачивается обратно, опираясь локтями на оконную раму.

— У тебя что-то случилось? – всматриваюсь в него, такого отстраненного и не похожего на себя.

— Нет, — он снова затягивается и запрокинув голову, выдыхает облако сизого дыма вверх.

— Не похоже...

— Я заебался, Полин. Хочу покурить и спать.

— То есть ужинать совсем не будешь?

— Нет.

— Не голодный?

— Нет.

— Где поел? – спрашиваю на автомате.

— В офисе.

Снова в офисе...

Грудь неприятно сводит спазмом.

— То есть на поужинать в офисе у тебя нашлось время, а на то, чтобы приехать к Пашке в сад на полчаса нет?

Вижу, как Глеб раздраженно морщится.

— Полина, не начинай. Я уже сказал, что был занят. Ты же всё решила?

— Да, решила, — выталкиваю из себя, чувствуя, как тлеющие угли превращаются в пламя и рвутся наружу.

— Ну и умница.

— Ничего не умница, Глеб. – взрываюсь, не выдержав давления, — Я попросила поехать тебя! Как чувствовала. Потому что вместо матери мальчика, с которым подрался Паша, приехал его отец. И мне пришлось выслушать такой ушат дерьма, что ты даже себе не представляешь, — отталкиваюсь от косяка и выпрямляюсь в надежде, что Глеб хотя бы обернется. — Завтра сутра он снова требует приехать. А я не хочу этого делать.

Но Глеб не оборачивается. Вижу только, как напрягается его спина и плеча, а сам он лишь слегка поворачивает голову в сторону.

— Он тебя оскорбил? – в голосе звучит сталь.

— Да. И меня. И Пашу. Твоего сына сравнили с овцой, а меня просто ни во что не поставили. Поэтому спасибо тебе за то, что поехал и...

— Полина, — резко обрывает меня Глеб и наконец оборачивается, встречаясь со мной тяжелым взглядом. – Я завтра утром отвезу Пашу. И всё решу. Больше этот мудака тебе и слова не скажет.

— Мне нужно было это сегодня, — чеканю я, смотря в глаза, которые почему-то мне кажутся чужими.

Глеб как будто не Глеб. Обычно в его глазах открытые эмоции. Их можно считать каждую. Злость, упрёк, возбуждение, обожание. Он не скрывает их по отношению ко мне. А сейчас там словно заслонка, из-за которой не просачивается буквально ничего.

— Мне жаль, что сегодня тебе пришлось всё это выслушать, — говорит он, снова отворачиваясь, будто не желая, чтобы я так пристально его рассматривала, — завтра я со всем разберусь.

А я так и стою, гоняя по легким кислород и оставаясь наедине со своим пожаром. Его языки облизывают внутренности, требуют продолжения извержения. Но что-то это извержение гасит.

Какой смысл продолжать ругаться, если муж обещает во всем разобраться? И вообще... выглядит очень уставшим и как будто каменным. Не моим Глебом.

Заставив себя сделать первый шаг, подхожу к нему сзади и оплетаю мужской торс руками. Глеб вздрагивает, словно мое прикосновение обжигает его. Как если бы огонь, что томился внутри меня облизал и его, и я чувствую, как каждая его мышца наливается тяжестью под моими руками.

Я ненавижу ссориться. Конфликты как с чужими, так и с родными больно бьют по мне. Поэтому, чтобы сгладить ситуацию, я забираюсь ладонями под домашнюю футболку Глеба и нежно глажу его напряженный живот.

Муж в этот момент делает очередную затяжку. Рвано и быстро. А после выбрасывает сигарету в окно.

Застывает.

Не знаю почему, но у меня странное ощущение. Как будто всё, как обычно, но иначе. И это ощущение меня пугает.

Так бывает, когда смотришь фильм ужасов. Вроде бы ничего страшного не происходит, но ты знаешь, что в любую секунду на экране может появиться уродливое лицо, которое заставит пульс заходиться на скорости и после этого начнется какой-то треш.

А я не хочу никакого треша.

И чтобы избавиться от нависшего гнетущего ощущения, крепче прижимаюсь к Глебу. Он дергается, как если бы пытался отстраниться, а я опускаю ладони ниже. Скольжу по жестким волосам, глажу плоский живот. Подцепив пальцами резинку на его штанах, скольжу под неё.

— Я знаю действенный способ снять твою усталость, — шепчу ему в натянутую спину и трюсь о неё щекой, как вдруг Глеб резко выпрямляется и перехватывает мои запястья.

Я не успеваю ничего понять, как он сжав их, достаёт из штанов.

— Не сегодня, Полин. Я сказал, что хочу курить и спать. Извини.

Мои руки безвольно падают вдоль туловища, когда он разворачивается и выходит. Сердце заходится, грудь больно сдавливает тисками. По коже пробегает ледяной озноб.

Несколько секунд стою, пытаюсь не чувствовать себя так отвратительно, но не получается. О меня как будто второй раз за день вытерли ноги. Только в этот раз это сделал собственный муж.

Глава 15. Полина

Сидя за открытым ноутбуком, я во второй раз ошеломленно перечитываю письмо от организаторов фестиваля:

«Рады сообщить, что Ваша серия работ «Глубина» успешно прошла второй этап конкурсного отбора и включена в основной выставочный план экспозиции.

Ваш концепт получил высокие оценки кураторской группы за «исключительную работу со светом и эмоциональную наполненность серии».

Для окончательного закрепления за Вами экспозиционной площади в Центральном павильоне и включения информации о Вас в официальный печатный каталог фестиваля, Вам необходимо подтвердить участие и оплатить организационный взнос»

Дальше идёт сумма в сто пятьдесят тысяч рублей и информирование о том, что бронь стенда за мной сохраняется в течение сорока восьми часов. В случае отсутствия подтверждения оплаты, место будет передано следующему кандидату из резервного списка.

Читаю еще раз... и еще...

Мою серию приняли! МОЮ! СЕРИЮ! ПРИНЯЛИ!

Сердце неистово колотится в груди, то воспаряя, то раздуваясь и снова сбиваясь до своих нормальных размеров.

Не удержавшись, я начинаю смеяться, потому что даже не рассчитывала на то, что смогу пройти отбор. Нет, в глубине души, я конечно, надеялась, но допустить мысль, что это реально, не решалась.

И вот подтверждение!

Самое, что ни на есть, настоящее!

По коже вприпрыжку скачут обезумевшие мурашки.

Это ведь значит, что я не зря верила в себя! Значит, что я действительно могу творить что-то хорошее, раз мою работу выбрали из тысяч претендентов.

По кистям рук проходит покалывание, продвигаясь внутрь, к району солнечного сплетения и собирается там в один большой комок.

Вскочив со стула, я запускаю пальцы в волосы и качаю головой, улыбаясь, как ненормальная.

Хватаю со стола телефон, чтобы поделиться новостью с Глебом, но так и застываю с гаджетом. В последние дни муж сильно завален работой. На биржевом рынке перепады, на сколько я поняла, и эти перепады прямо влияют на его занятость и состояние. Вечером он приходит поздно, утром уезжает рано. Закрытый и отстранённый.

Поэтому я понятия не имею уместна ли будет сейчас для него информация о том, что мою работу приняли на конкурс...

Пока я размышляю, телефон в руке начинает звонить.

Крошечная надежда на то, что это Глеб, мелькает хвостом и скрывается, как только я вижу имя звонящего.

Андрей.

Мы не общались с ним с той прогулки в парке, после которой пообедали в кафе. Я не сильно стремилась связываться первой, да и необходимости не было. Хотя к воспоминаниям о своих ощущениях рядом с ним возвращалась...

— Да, — отвечаю на звонок, слегка поколебавшись.

— Привет, — Алиев звучит бодро и энергично, словно выпил литр кофеина пять минут назад.

— Привет.

— Я слышал там начали приходить результаты по фестивалю. От тебя звонка не дождался, решил набрать сам.

Чувствую, как лицо расплывается в улыбке. Все же приятно, что он не просто дал совет, а помнит, что я им воспользовалась и интересуюсь результатом.

— Ты очень вовремя, — снова смотрю на экран ноутбука, как будто если я перестану убеждаться в том, что письмо мне действительно пришло, оно исчезнет. — Я только его получила.

— И?

— И... прошла!

Даже не верю, что озвучиваю это вслух...

А как только делаю это, сам факт приобретает вес и кажется еще более ошеломительным.

— Ну видишь! Поздравляю! — эмоционально восклицает он, — А говорила – не пройду, там всё куплено. Пока не попробуешь, Полин, знать не будешь чего ты на самом деле стоишь!

Я закусываю губы, чтобы не улыбаться так широко, потому что на самом деле, слышать такие слова приятно.

— Спасибо.

— Это надо отметить!

— Я обязательно этим займусь.

— В смысле? – выдаёт он с претензией, — Не надо меня бортовать, я как никак, приложил руку к тому, чтобы ты подала заявку.

Тут, конечно, не поспоришь. Если бы не Андрей, я бы в жизни не решилась отправить свои картины на конкурс.

Вот только отмечать с ним будет неуместно.

— И что ты предлагаешь? Пригласить тебя на семейный ужин в честь этого события?

— Нет, уволь. — он быстро отметаёт мое саркастичное предложение, — Давай встретимся и выпьем по бокалу вина?

Вопросительная интонация предполагает мой ответ, а я зависаю. Палец выводит на столе бессмысленный узор, пока в голове гудит пчелиный улей. Потому что распивать вино с другим мужчиной – неправильно. Я бы не оценила, если бы Глеб занимался подобным.

В памяти въедливо всплывает то, как муж совсем недавно пришел домой после мероприятия, на которое был приглашен с Дарьей. Но ведь это совсем другое. Они были не наедине.

— Как-нибудь выпьем, — поэтому я мягко отказываю.

Причина одна – отмечать мне хочется с мужем.

Андрей, думаю, это понимает, потому что спустя короткую паузу с усмешкой отвечает:

— Намёк понял. С меня устроить подходящее «как-нибудь».

— Мне кажется, ты всё же не понял...

— Да, и кстати. — не даёт договорить он, меняя тему, — Там взнос надо будет заплатить, не тни с этим. Через сорок восемь часов бронь на стенд слетает, а замену они находят очень быстро. Платеж часто зависает, и чтобы не получилось так, что ты оплатишь, а он тупо не успеет дойти, лучше сделать это сразу.

Хмурюсь, понимая, что да, откладывать на завтра оплату нельзя.

— Да, я оплачу сейчас. Спасибо.

— Созвонимся, Поль.

Андрей сбрасывает вызов, а я захожу в приложение банка, чтобы проверить счет. Таких сумм у меня не водится. Назвать меня транжирой сложно. Так как выросла я в семье с довольно низким достатком, и привыкла экономить. Да и с Глебом мы особо не шиковали. Только в последнее время, когда у него более-менее наладились дела на работе переехали в новый жилищный комплекс и поменяли нам машины. Мужу взяли в лизинг, а себе я выбрала простенького жука с рук.

Я отдаю себе отчет, что сто пятьдесят тысяч за взнос – это довольно много. Мы можем жить на эти деньги пару месяцев. Но с другой стороны, можно расценивать эту сумму, как вклад в мое будущее. Возможно, на фестивале меня заметят, и со временем я смогу продавать картины и вносить свою лепту в семейный бюджет.

Эта мысль подстегивает все-таки набрать мужа, чтобы поделиться с ним новостью и рассказать о взносе. Вот только трубку он не берет. Ни после первого дозвона, ни после второго.

Абонент занят.

Я уже сбилась со счета в который раз. Правда злиться сейчас у меня не получается. Вся моя концентрация направлена на ошеломительную новость.

Отложив мобильный, еще раз перечитываю письмо, чувствуя, как по грудной клетке летают счастливые бабочки. Именно в их компании я и провожу несколько часов в ожидании того, что Глеб перезвонит.

Работаю над картиной с тюльпанами, дорабатывая то, что начала в парке. Вчера и позавчера утром я снова туда навещала, чтобы сделать еще два наброска. Отсняла на камеру виды, и теперь, имея фундамент будущих картин, работаю уже, опираясь на фотографии.

Отвлекаюсь уже, когда желудок требовательно напоминает об обеде.

И только сейчас понимаю, что Глеб так и не перезвонил.

Набрав его еще раз впусую, потому что «абонент занят», перекусываю яблоком с грушей, и принимаю решение навестить к мужу в офис.

То, что он не перезванивает – злит. В последние дни мы почти не общаемся. Он вечно занят, а я его не тревожу. Но раз уж звоню, то, наверное, можно уточнить для чего я это делаю. Не просто так ведь, потому что мне вдруг стало скучно, и я решила отвлечь его от его незамеченной работы.

Офис Глеб арендует в бизнес районе города, в одном из высотных центров, на восьмом этаже. Я поднимаюсь на лифте, прохожу по светлому холлу. Секретаря на месте нет, когда вхожу в офис «Импульс Капитал». Стол Дарьи пустует, а дверь в кабинет Глеба приоткрыта.

Из-за неё доносится его голос, поэтому я уверенно направляюсь туда.

Офис у Топольникова небольшой – приемная, кабинет аналитика Данила, кухня с холодильником и всем необходимым для того, чтобы можно было перекусить, бухгалтерия и собственно кабинет самого Глеба.

Он собирался расширять штат и арендовать другое место, когда будет прочно стоять на ногах, но сейчас ему вполне хватает и этого.

— Завтра я всё расскажу, Марат Ринатович, — говорит Глеб, стоя у окна, когда я заглядываю внутрь.

Первое, что делаю – это обвожу взглядом заваленный документами стол.

Черный пиджак небрежно валяется на диване. На столе пепельница с десятком окурков и еще какие-то бумаги.

Всё выглядит иначе, чем обычно.словно здесь произошел армагеддон.

Рубашка на муже расстегнута сверху, рукава закатаны на три четверти. Глеб стоит ко мне полу боком, поэтому не замечает, как я вхожу глубже.

— Да. Прилетаю сегодня. Вечером у меня встреча, а завтра, когда вам будет удобно, можем пересечься.

Резко притормаживаю, будто ударившись о невидимую стену. Я сейчас не ослышалась?

Глеб куда-то улетает и даже не поставил меня в известность?

Вероятно, торможу я слишком резко, или издаю какой-то звук, что заставляет Глеба обернуться.

При виде меня, его взгляд вспыхивает. Зрачки на долю секунды расширяются, как если бы он подавил вспышку какой-то непонятной мне эмоции.

Ощущение не из приятных. Я привыкла к совсем другим взглядам с его стороны.

— Да, договорились, — продолжает разговор, глядя прямо на меня, — до завтра, Марат Ринатович.

Сбрасывает звонок и бросив телефон на стол, останавливается около него. Ко мне не подходит.

— Ты почему не предупредила, что приедешь?

Тон, которым задан вопрос, режет слух, заставляя внутри меня всё подбираться в ответ. Так обычно разговаривают с прислугой – с ноткой претензии и обвинения.

— Если бы ты перезвонил, мне не пришлось бы этого делать, — смотрю ему прямо в глаза, — Но как я вижу, что приехала не зря. Хотя бы узнала, что ты куда-то улетаешь.

Глеб на мою укоризну никак не реагирует. Отводит взгляд и занимает свое место за столом.

— Это деловая поездка. Решение о ней я принял пол часа назад, — садится в кожаное кресло и положив руки на стол, складывает их в замок. Снова встречается со мной взглядом. — Займёт несколько дней.

— А сказать ты мне о ней собирался?

Я так и стою на месте, не желая подходить ближе. Чувствую, как снова начинаю злиться. В последнее время я только это и делаю, но по-другому не получается.

— Да.

— Вот спасибо.

— Полин, давай не здесь, — обрубает меня Глеб, продолжая ввинчиваться требовательным взглядом. — Ты зачем приехала?

Отвечать мне уже не хочется. Ни делиться радостью, ни просить денег тем более. Но сроки сжатые, и у меня буквально нет выхода. Поэтому, переступая через себя я все же говорю, как есть:

— Мою работу приняли на конкурс. Нужно оплатить взнос в ближайшее время.

Когда я представляла, как скажу новость Глебу, мне виделось, что он привычно улыбнется уголком губ и скажет что-то на подобии «Ты умница», как говорит всегда, подбадривая меня. При чем я знаю, что это не просто слова. Добиться от Глеба реальной похвалы не так просто. Он не из тех, кто хвалит на пустом месте.

Поэтому мне так важно было увидеть в глазах мужа поддержку. Хотелось, чтобы он обнял меня, поцеловал. А вечером мы бы отметили вдвоем, потому что сына сегодня из сада забирает мама на ночёвку. Я каждой клеточкой хотела снова остаться с мужем вдвоем, и наконец, вытеснить из памяти тот унижительный случай на балконе.

Но вместо ожидаемой радости за меня, Глеб откидывается на спинку кресла и озвучивает скупое:

— Сколько?

— Сто пятьдесят тысяч.

— Сколько? – ошалело переспрашивает.

— Сто пятьдесят тысяч, — повторяю натянуто.

— Это что — вступительный взнос в массонскую ложу? С каких пор на конкурсах требуют такую оплату?

— Если не ошибаюсь, ты сам не раз говорил мне участвовать в фестивалях, — отвечаю, еле сдерживаясь.

— В нормальных художественных фестивалях, а не в конкурсах, которые не дают гарантии на какой-то выхлоп и еще и требуют ебейшую сумму за стенд.

Его слова больно царапают, а цинизм в интонации и вовсе ощущается как скрип железа по стеклу.

— И что это значит? – вскидываю с вызовом подбородок. — Что денег ты мне не дашь?

— Нет, — ответ звучит также неожиданно, как если бы рядом прогремел выстрел из оружия.

Я на миг зависаю, оглушенная, даже не сразу улавливая суть.

— Что?

— Нет, Полина. Для фестиваля это слишком дорого, — но он повторяет, втрамбовывая в меня каждое слово, как очередную пулю.

Сказать, что я теряюсь – не сказать ничего.

Стою и по-идиотски моргаю, пытаюсь понять шутит он или нет.

— Глеб, это важно для меня, — объясняю, как ребенку, потому что вижу, что кажется – нет. – Ты знаешь, как долго я жду того, чтобы меня заметили.

— Тебя заметят и так. Но сто пятьдесят тысяч — это перебор за то, чтобы потеряться в десятках стендов и смазаться с другими. Это того не стоит.

— Что это? – чувствую, как резко перестаёт хватать кислорода. – То есть мои старания и то, что приносит мне удовольствие не стоит того, чтобы быть замеченным?

— Я не это сказал, — выжимает сквозь зубы Топольников.

— Да нет, именно это. То есть, вот как ты считаешь? – несёт меня, как на горках вперед, — Что то, чем я занимаюсь не стоит вложений? Поэтому советуешь мне соцсети и просто ходить по галереям и дешевым конкурсам? Потому что не считаешь моё занятие настолько же важным, как то, чем занимаешься сам?

Я вдруг понимаю, что так и есть, и от этого меня словно замораживает. Под кожей проносится озноб, когда я понимаю, что в глазах самого близкого человека ничего не стою.

— Притормози, Полина, — предупредительно встаёт из-за стола Глеб. – И отключи свою фантазию. Я сказал, что фестиваль не стоит таких денег, а не то, что ты накрутила.

Ну, конечно.

Обида собирается в районе горла, когда он направляется ко мне, но не успевает сделать и пары шагов, как за моей спиной раздаётся щебечущее:

— Глеб... ой.. Глеб Сергеевич, извините я не знала, что вы не один.

Я резко оборачиваюсь на стоящую в проходе Дашу.

Как всегда, не вовремя. Что звонит, что появляется.

Девчонка переводит метушащийся взгляд с Глеба на меня и обратно.

— Что ты хотела? – спрашивает он её.

— Сказать, что билеты я нам заказала. И номера в гостинице тоже забронировала. Вылет в пять вечера.

— Спасибо.

Девчонка смотрит мимо меня, прямо на Глеба. Своими огромными кукольными глазами. Да она и выглядит как кукла. В брюках, блузке, что сверху открывает вид на декольте. С детским лицом, но абсолютно осознанным взглядом.

Что-то внутри меня сжимается. А осознание, что она снова знает обо всем раньше меня и вовсе срывает тормоза.

— Что-то еще? – спрашиваю вместо Глеба, потому что не просто так ведь она стоит и не двигается с места.

И знаю, что звучу грубо. Обычно, я так не разговариваю. Но сейчас во мне столько эмоций, что контролировать их сложно.

— Нет, извините. Я позже зайду, — наконец оторвав взгляд от моего мужа, ретируется, закрыв за собой дверь.

Я оборачиваюсь к Топольникову.

Злость отравила каждую клетку. Мне хочется вцепиться ему в лицо, но вместо этого я просто смотрю, как он подходит ко мне вплотную.

— Поль, мне жаль, но я надеюсь на твой здравый разум и понимание, — говорит серьезно.

Как неразумной девочке, честное слово. Той, которая просит игрушку, не понимая сколько она стоит.

Я нервно усмехаюсь.

— А я глупая надеялась на твою поддержку.

Разворачиваюсь и выхожу из кабинета, чувствуя, как бешено тарабанит сердце.

И отнюдь не доброжелательный женский взгляд на своих лопатках я тоже очень отчетливо чувствую.

Глава 16. Полина

Ехать домой и пересекаться с Глебом, когда он будет собирать чемодан мне совершенно не хочется.

И в кафе сидеть, когда меня швыряет из стороны в сторону – тоже не вариант. Поэтому я выбираю просто побродить по городу. В запасе у меня есть пара часов.

Приехав к одному из парков, спускаюсь вниз по ступеням и просто иду вперед. Настроение – ниже плинтуса. Обида душит, будто обхватила мое горло обеими руками и неистово сжимает его.

Я-то наивная полагала, что Глеб верит в меня. А выходит, что он просто экономил.

Этот факт не укладывается в голове, но он есть. И как мне сейчас быть я понятия не имею. На счету не хватает больше половины суммы. Просить её у подруг – унинительно. Я никогда этого не делала. А обращаться к маме – означает объяснять почему я занимаю. Этого я делать тоже не хочу. Вообще делиться с кем-либо тем, что происходит в моей семье – нет ни малейшего желания. Это как минимум жалко.

Что я скажу? Муж не дал мне денег? Прекрасно... просто прекрасно.

Словно я какая-то содержанка, не способная обеспечить себя без мужчины.

Бросив сумочку на одну из пустых скамеек, опускаюсь на неё. Прикрываю глаза, поднимая голову вверх и подставляя лицо солнцу. Может, хотя бы ему удастся меня успокоить.

Сижу так минуту, вторую... вот только ни черта не помогает. Внутри как было холодно, так и остаётся.

Еще и входящий звонок врывается сквозь мою ледяную стену. Я чувствую, как вибрирует сумка, потому что звук отключен и нехотя выуживаю из неё телефон.

Снова Андрей.

И хоть разговаривать мне сейчас ни с кем не хочется, а все же игнорировать его неправильно.

— Да? – стараюсь звучать не сильно резко, когда отвечаю на звонок.

— Оплатила, Полин? Всё получилось? – он с ходу давит на больную мозоль.

— Нет. Я завтра оплачу.

Вру, потому что на самом деле понятия не имею где взять такую сумму до завтра.

— Лучше сегодня.

— Я в курсе, — а вот теперь огрызаюсь, за что сама себя и ругаю. Чёрт... — Андрей, я оплачу, — говорю уже спокойнее.

— Воу... я не вовремя? Ты не одна?

— Одна, — выдыхаю виновато, — прости. У меня сегодня будет свободный вечер и я найду как оплатить. Правда.

— Почему свободный? Я думал – пятница, будете отмечать семьей такое событие.

Я тоже так думала...

Горло снова неприятно сжимает.

— Глеб улетает через пару часов, а сын ночует у мамы. Поэтому у меня будет время на то, чтобы отметить самой и разобраться с оплатой.

— Я ясно... — протягивает он странно, — Дай знать, когда оплатишь. Хочу, чтобы у тебя всё получилось.

Вымученно улыбаюсь. Что ж, хотя бы кто-то этого хочет.

— Спасибо тебе...

Закончив разговор, сижу еще какое-то время на скамейке, бесцельно наблюдая за прогуливающимися людьми. Потом немного гуляю, а когда время переваливает за шесть, отправляюсь домой.

По пути мне звонит Глеб, но на звонок я не отвечаю. Я не готова сейчас снова слышать его наставительный тон и то, как он еще раз окунет меня как котенка носом в лужу.

Когда приезжаю домой, сразу замечаю, что Глеб собирался. Шкаф-купе, в котором стоят наши чемоданы, открыт. А черного, маленького, с которым он обычно отправляется в командировки – нет.

Топольников не из тех, кто устраивает бардак во время сборов. Поэтому в комнате идеальный порядок. Отсутствуют только несколько рубашек на вешалках и его брюки.

Открываю комод, замечая пару пустых лотков для галстуков, носков и белья...

Собираться сам он умеет. Глеб никогда не был тем мужчиной, за которого должна всё делать жена. Это еще одна черта, за которую я его люблю. С ним не нужно возиться, как с ребенком. Собирать вещи в поездку, бояться оставить одного, опасаясь, что он себя не прокормит. Со всем этим он прекрасно справляется самостоятельно.

Глеб вообще всегда был самодостаточным. Во мне он не видел лишь приложение для дома. Я нужна ему, как женщина. Вот только чувствовать себя женщиной, которая ничего не стоит в его глазах не просто обидно... это больно.

С размаху задвинув обратно ящик, я раздеваюсь и принимаю ванну. Эмоции постепенно отпускают, оставляя после себя усталость и горький осадок.

И чтобы хоть как-то избавиться от ощущения этой горечи во рту, я наливаю себе бокал вина. Часы показывают восемь, а это значит, что Глеб давно улетел... Куда? Знать не знаю. И если честно, сейчас мне всё равно.

Пусть хоть в Арктику. Лишь бы не видеть его.

Когда я собираюсь запустить ноутбук и подумать где мне взять денег для оплаты резерва, в дверь неожиданно раздаётся звонок.

От кого? Понятия не имею. Мама с Пашей дома. Она звонила мне двадцать минут назад и сказала, что у них всё отлично.

Подруги же без предупреждения не приезжают.

Нахмурившись, опускаю бокал на кофейный столик в зале, а сама отправляюсь открывать.

Щелкнув замком, отпираю дверь и... застываю.

— Привет, — склонив голову на бок, Андрей приветливо улыбается, — Я тут решил, что «как-нибудь» вполне может наступить и сегодня.

Поднимает руку, демонстрируя бутылку шампанского.

— Ты как узнал где я живу? — спрашиваю, пойманная врасплох.

— У нас есть одна общая знакомая, которая поделилась со мной адресом.

Ну да... Ира.

Я убью её.

— Так что,пустишь? — хитро щурится он, теперь уже взмахивая пакетом в другой руке. — Я не с пустыми руками. Подумал, раз уж праздновать, то как следует.

Смотрит на меня испытующим взглядом, подходя ближе так, чтобы не оставлять мне права выбора.

И хоть умом я понимаю, что пригласить его будет неправильно. Но с другой стороны – у меня настолько дурное настроение, что компания бы мне не помешала.

Поэтому вздохнув, я толкаю дверь, открывая её шире, и отхожу, давая ему возможность войти.

— Не прогонять же тебя уже, раз ты явился с таким арсеналом.

Глава 17. Полина

— А ты почти не изменилась.

Андрея я нахожу напротив нашей с Глебом свадебной фотографии, когда возвращаюсь из кухни в зал с тарелкой клубники в шоколаде. Он принес с собой как свежие, так и сублимированные ягоды, а также коробку шоколадных конфет.

— Ты всегда умел хорошо врать, — поставив её на стол, сажусь на диван.

Алиев оборачивается и застывает с усмешкой на губах. Кончиком языка пробегается по верхнему клыку, словно думает спорить с моим заявлением или не стоит. Но уверена, что не станет.

— Согласен, ошибся. Ты научилась кусаться. Но внешностью осталась всё такая же.

Я беру свой бокал со столика и делаю небольшой глоток вина, которое наливала для себя.

— В двадцать семь невозможно выглядеть также, как в восемнадцать, Андрей.

— Значит, ты ведьма. Потому что я вижу перед собой всё ту же девчонку, с которой мы когда-то закрылись в гараже Женьки, и

Я опускаю взгляд в бокал, чтобы не пересекаться с ним взглядом.

Потому что тот случай я тоже хорошо помню. Алиев взял ключи от гаража у своего друга, купил нам дешевого вина в тетрапаках, потому что на хорошее ни у него, ни у меня денег тогда не было, взял две плитки шоколада и устроил «романтическое свидание».

Во всяком случае, мне казалось это верхом романтики. Уже сам факт, что он сделал это для меня был каким-то волшебным. Это сейчас я понимаю, что ничего волшебного в том, чтобы заняться сексом в чужом гараже не было, но тогда моя влюбленность окрашивала всё в розовый, и я готова была на что угодно, лишь бы проводить как можно больше времени с ним вдвоем.

— Да уж... мама меня чуть не убила, когда я вернулась в шесть утра, — улыбаюсь, вспоминая какую взбучку она мне устроила.

Андрей с тихим смехом подходит к дивану и садится рядом. Отпивает из своего бокала принесенное им же шампанское.

— Она у тебя терминатор. Интересно, хоть один твой парень прошел у неё фейс-контроль?

— Да. Глеб...

Удивительно, но к нему она прониклась теплом с первого же знакомства. То ли потому что он был старше и внушал больше доверия, чем Андрей. То ли ему удалось расположить её к себе, но с ним она отпускала меня легко и хоть на всю ночь, в то время как с Алиевым допытывалась каждый раз куда мы идем и, если выдавалась возможность, даже старалась придумать мне задание, лишь бы я меньше проводила с ним времени.

Андрей присвистывает.

— Прямо идеал какой-то, — выдаёт слегка сардонично, — не жалеешь, что вышла замуж до окончания университета?

— Нет, — покачивая жидкость в бокале, наблюдаю за тем, как она касается стенок и опускается вниз.

— Счастливая, значит?

— Вполне.

— И сейчас тоже?

Этот вопрос задевает за живое. Моя рука застывает, я поднимаю на него взгляд.

— Да, — отвечаю так, потому что иначе не могу.

Сощутив глаза, Андрей пристально смотрит на меня, будто пытается уличить во лжи. Долго, внимательно. А я не лгу. Несмотря на то, что в последнее время между мной с Глебом всё чаще происходят недомолвки, сказать, что я не счастлива у меня не повернулся бы язык.

— Счастливчик этот засранец, — криво улыбается Алиев, не разрывая зрительного контакта, — быстро понял, что тебя надо замуж брать, чтобы никуда не делась. Не то, что я в свое время.

Очередной намек заставляет всё внутри выставить иголки.

— Ты зачем это мне сейчас говоришь?

Что за манера? И главное – к чему? Чувствую, как внутри всё накаляется, когда он вдруг внезапно спрашивает:

— Ты оплатила взнос, Поль?

Повисшая проблема как-то махом возвращает к насущному.

Я вздыхаю и отрицательно мотаю головой.

— Нет. Я как раз собиралась заняться вопросом поиска денег, когда ты пришел.

— Поиска денег?

— Да. У меня сейчас... — подыскиваю правильные слова, потому что озвучивать вот так перед кем-то собственные проблемы отнюдь не приятно. — временные трудности, скажем так, со средствами, поэтому я пока думаю где взять оставшуюся сумму.

Андрей поворачивается туловищем ко мне, закинув колено на диван.

— Полин, на «думаю» у тебя времени нет. Банковские операции часто зависают. И если что-то пойдет не так, ты останешься без стенда.

— И что ты мне предлагаешь? Нарисовать их на своем счету и отправить? – со звоном ставлю бокал на столик.

Хорошо, что я все же не заняла ни у кого из подруг. Ощущение собственной ничтожности просто кошмарное.

— Если б так можно было, мир был бы идеален, — хмыкает Алиев, а потом кивает в сторону моего открытого ноутбука, — давай реквизиты, я заплачу.

— Да конечно, — фыркаю, откидывая волосы назад.

На коже выступила испарина от того, настолько дискомфортно от собственного безвыходного положения.

— Давай ты покорчишь из себя гордую потом. А сейчас дай реквизиты, потому что, если проебёшь подходящий момент, сама же себе локти сгрызешь.

Я раздумываю несколько секунд. На чаше весов туда-сюда качаются моя гордость и давнее желание пробиться дальше, чем выставка фотографий моих работ в соцсетях.

Пока застываю в раздумьях, перебирая пальцами собственные волосы на затылке, Алиев легко дергает меня за один из локонов.

— Время – деньги, Навроцкая.

— Топольникова... — поправляю, все же решаясь принять его помощь. – Ладно, я отдам, как только найду нужную сумму, — тянусь к ноутбуку, чувствуя, как волосы натягиваются в пальцах Андрея.

Он намеренно держит их, и с наглой улыбкой отпускает, едва я направляю на него укоризненный взгляд.

Дождавшись, пока он оплатит, чувствую, что эта проблема наконец, меня отпускает. Если бы я не нашла деньги, я действительно не простила бы себе этого. Потерять шанс, который был уже в руках – хуже нет.

— Ну всё, ты официально участница арт-фестиваля! – торжественно захлопнув крышку ноутбука, Алиев берет свой бокал и ударяется им о мой, который я почти допила.

Хорошее настроение возвращается моментально. По крови снова курсирует предчувствие чего-то нового. Того, где я не просто художница в своей небольшой мастерской, а автор, чьи картины знают и оценивают по достоинству.

И это благодаря Андрею.

— Спасибо тебе, — чувствую, что снова могу улыбаться, когда мы встречаемся взглядами. — Я всё верну.

— Ага, — ухмыляется он, скользя глазами по моему лицу. — Не торопись. Я никуда не спешу.

Собравшиеся лучики морщин вокруг его глаз напоминают мне о том, как я могла часами смотреть на него. Кажется, первое, во что я влюбилась — была именно его улыбка. Не знаю, чем она меня так зацепила, но оторваться от неё я не могла.

Чувствую, что и сейчас происходит тоже самое. Разглядываю когда-то любимое лицо, с годами ставшее более мужественным. Родинки на скулах, которые оказывается, тоже прекрасно помню. Новые мимические морщинки.

Взгляд спотыкается на глазах, прямо направленных на меня, и сердце среагировав, странно сжимается.

Чёрт...

Быстро отвожу свои, большим глотком допив вино.

— Хочешь, проведу тебе экскурсию по моей мастерской? — предлагаю, вставая и не давая ему возможности отказаться.

— Ты еще спрашиваешь! — тут же подхватывает с энтузиазмом Алиев. — Веди!

Мы проходим по квартире и входим в обитель моего творчества.

— Здесь не слишком-то убрано, — нажимаю на выключатель, отходя в сторону и пропуская Андрея вперед.

Он входит, не спеша, и присвистывает.

— Да тут на целую галерею хватит, — оглядывается, вероятно, решая к какой из картин подойти первой.

В итоге останавливается на одной из старых работ и рассматривает её внимательнее. Проводит подушечкой пальца по полотну, сначала приблизившись, потом отступив на шаг и оценивая композицию полностью.

— Полька, ты пиздец талантливая, — качает головой, медленно продвигаясь по кабинету дальше.

В груди растекается тепло от его реакции.

Я, сложив руки, и сама с благоговением оглядываю «мой храм». Здесь я чувствую себя счастливой. Ценной. Завершенной, что ли.

— Ты же видел некоторые из них в интернете.

— Некоторые. А у тебя, оказывается, целый кладязь, — оборачивается он, и я читаю в мужском лице искреннее недоумение, — Слушай, ну если тебе отказывали галеристы, то они либо слепцы либо абсолютно не секут в искусстве. Не зря Левицкий зацепился. Здесь можно всё выставлять, каждая просто охуенная.

Меня буквально затапливает гордость. Он даже не представляет насколько сейчас мне нужно было услышать эти слова...

А слышать их именно от него вдвойне приятно. Помню, когда я узнала о его измене, мне казалось, что я жалкая и ничего не стоящая, раз ничем не смогла его зацепить. Ни собой, ни своим талантом.

Поэтому, когда сейчас его слова пропитаны искренностью, а лицо выражает настоящий восторг, та восемнадцатилетняя девчонка внутри меня будто отряхивается от пыли прошлого и встаёт с коленей, на которые встала, когда простила его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.